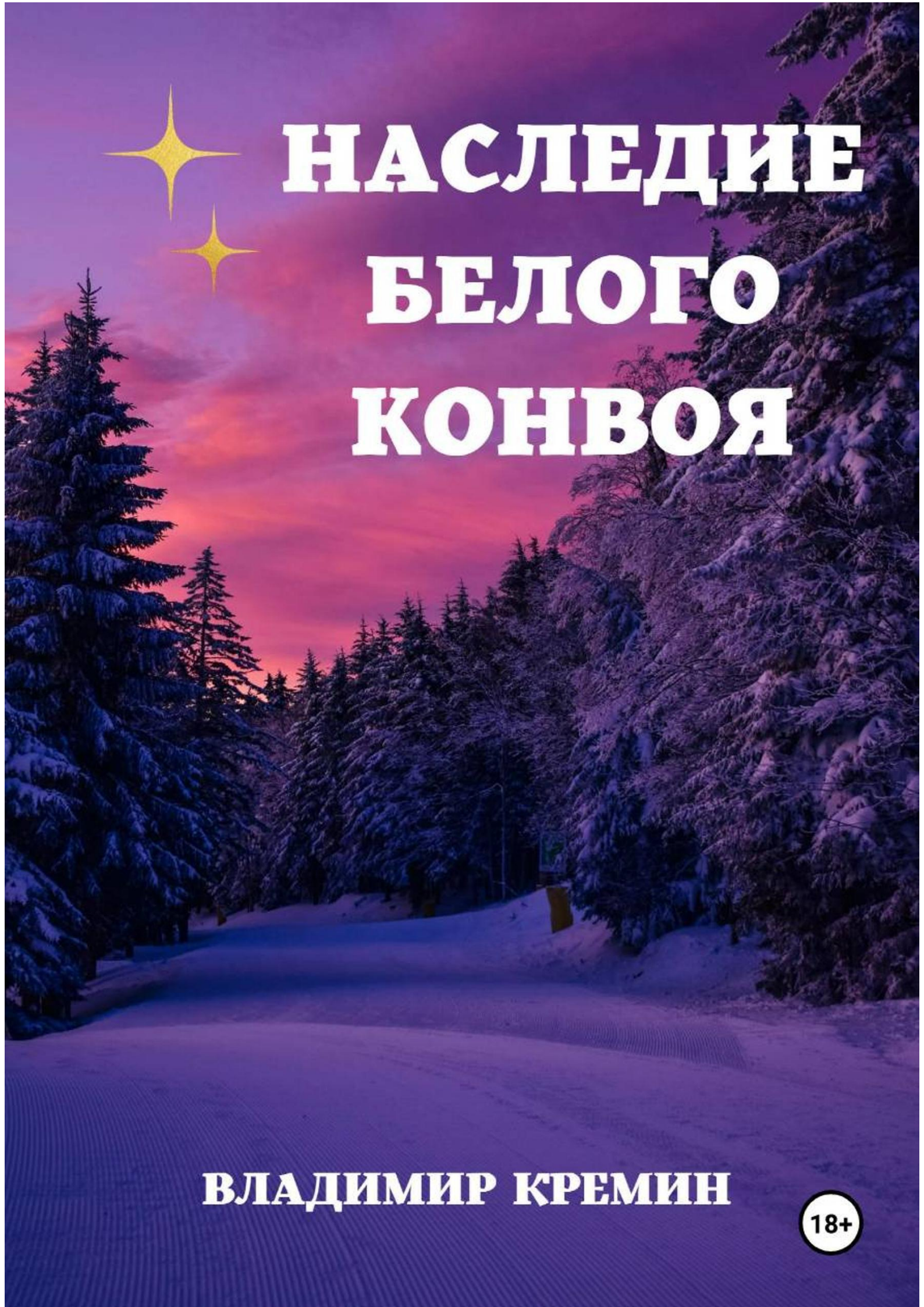

НАСЛЕДИЕ БЕЛОГО КОНВОЯ

ВЛАДИМИР КРЕМИН

18+

Владимир Кремин

Наследие Белого конвоя Том 2.

«Автор»

2026

Кремин В.

Наследие Белого конвоя Том 2. / В. Кремин — «Автор», 2026

Таинственная история исчезновения золота Тобольской епархии и раритетных Сибирских орденов, уходящая своими корнями во времена Ледяного похода Адмирала Колчака, вызывает новый интерес у охотников за драгоценными реликвиями. Поиск затерявшихся свидетелей становится приоритетной задачей как органов Государственной безопасности, так и идущего по следу, законспирированного миссионера из Европы. В поле их внимания попадает бывший партизан Степан, судьба которого тесным образом связана с погибшим во времена Гражданской войны в России, конвоем. Его личные проблемы, в преддверии начала Великой Отечественной войны, тесным образом переплетаются с желанием устремившихся конкурентов овладеть Царскими сокровищами. Начинается ожесточенная охота.

© Кремин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ТАЕЖНИЦА АЛЕКСАНДРА	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ИСТЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
В ОМУТЕ НЕСОГЛАСИЯ	19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	23
ВЕСНА АНЧИКИ	23
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
КОГДА БОЛИТ СЕРДЦЕ	28
ГЛАВА ШЕСТАЯ	34
ЗВЕЗДЫ НА КРЫЛЬЯХ	34
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	40
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наследие Белого конвоя Том 2.

Глава

«ЗОЛОТО ЕПАРХИИ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАЕЖНИЦА АЛЕКСАНДРА

Никак не ожидал Степан, что ладная у него дочь выйдет. В детские годы, так особо к ней и не приглядывался; бабье это дело, за дитем присматривать. И потом, всегда о мальчонке, помощнике мечтал. Девка, она для стряпухи супруги важней будет, а в тяжком сельском быту, сыну любой отец порадует. Мало хлопотное хозяйство, с ломовой работой; тут, окромя, еще и промысел важен, охота, трудная добыча рыбы, где без мужицкой твердой руки – никак. А от девки помощи; только корову доить да борщи варить, хотя без тонкого понимания нелегкой бабьей доли, и от доброго хозяина тоже прок никудышный.

Вызрела Александра скоро, с весны вон уж семнадцатый годок молодке ручейком бурливым побежал. А и девка то ладная; на зависть парням пошла, так и выются у плетня, в пору кнутом отгонять. Прочь с трудом идут; все зарятся, как Сашка лихо на подворье заправляет. И все то спорится в ее крепких руках, да и на внешность, вся в него; одним взглядом с ног сшибает. Словом, беда парням вышла, да и только. А Степан и рад, пусть побаиваются отца; за ним весь пригляд и добродетель в доме.

Еще той осенью, когда Степану, по лихости своей, от поручика Бельского бежать удалось, помогала дочь в тайге укрываться. Опасение было конечно, что лиходеи по следу пойдут, из тайги вычесать удумают. Да вот только не вышло у них тогда чего-то, не сладилось; так в усадьбу его более и не совались. Промыкавшись около двух недель в тайге, воротился Степан домой. А на случай, ежели горе приятели прихватят его все же, задумку имел; вроде как, не по своей воле в том мокром тумане заплутал. Должно быть злыми духами Эвенков те тропы полны, знать капища их там или жертвенники, вот и путают бывалого человека, под руку шепчут, кругами водят. Полагал поверят от неведения, не станут попрекать или карать за то, что в тайге их бросил.

Так и остался тогда для Степана, непонятный поход к шаманам, неразгаданной тайной. Однако шло время и ворошить прошлое не хотелось. Согревало душу лишь надеждой, что не воротятся до его усадьбы более лиходеи, усладившие должно свои аппетиты, а то могло статься и сгинувшие по неопытности в тех глухих краях, куда он их завел в поисках шаманов. Он и сам по тем временам толком не ведал, где искать тайные стойбища селькупов, волею судьбы, умело маскирующих свою запрещенную деятельность, от вездесущей власти. Благо, что отделался, и тому был рад.

Уж почитай лет с двенадцати стала Александра свои интересы к навыкам отца проявлять, куда с большим рвением, нежели к материнским, которые ей как оказалось были совсем не по характеру. А отцу и то радость – помощница в его делах появилась. Стал Степан с любовью и терпением учить дочь всему, что сам умел. На лодке по Кети ходили, кормили комаров на зорьке. Не ныла дочь, мошкой покусанная, училась правильно с этакой неотвязной напастью обходиться. Позже и с лошадью свыкла, а из ружья, без которого в тайге никак не обойтись, стреляла иной раз и лучше отца. И дичь в лет била, и по лисьи, тихо и неприметно, могла зверье скрадывать, следы их мудреные читать да важные для охотника тропы отыскивать. И все то отец дивился; как так, ведь у него самого на такое почитай пол жизни ушло, а у Сашки в руках все поет, да с полуслова ладится. Благо хоть время мирное, совсем не то, что на его долю выпало; ведь многие навыки, которым учил дочь, он и нажил, партизаны и мотаясь по лесам да весям еще в Гражданскую войну. Так вот и стала Александра таежницей, во многом переняла умение опытного отца, всячески помогая ему в нелегком деле добытчика. Мария не возражала, потому как Сашка всегда по дому могла помочь, а набираясь самостоятельности, была в меру обласкана внимательной и заботливой матерью.

И вот однажды, подойдя к Степану, дочь протянула ему запыленный свиток и спросила:
- Отец, посмотри, что это за карта, я ее за шкафом, в предбаннике нашла. Может нужна тебе? Или клад, кто зарыл? Поделись, если что знаешь, вместе откопаем?..

Узнал Степан карту, что давно еще, когда с другом на Сургут, к «Петровой норе» ходили, в дневниках поручика Бельского нашел и сделал для себя подробную копию, срисовал, так сказать. Сам уж забыл, куда упрятал, а Александра вот, наткнулась. Стал подумывать Степан, как в себе смелость найти, и решиться наконец с повзрослевшей дочерью сокровенной тайной поделиться. Кому как не ей, наследнице, знать о его сокровищах. Пусть станет преемницей, пытался определиться в душе отец.

- Завтра, Александра, вместе поедem на Черное озеро. Далеко это, поэтому с вечера приготавли все к дороге, там и глухарь есть, позабавишься. Весна сок набирает, снег в лесу еще не сошел, их след хорошо видно будет. А главное, место тебе одно покажу, но это завтра, а пока карту мне верни, сгодиться может. Молодец, что отыскала. Я уж было вспоминал о ней, да вот напрочь забыл, куда сунул.

Долго думал ночью Степан о дочери, самому уж за пятьдесят; надо бы и об Александре подумать. Все со своей совестью диалог строил, а она ему определенно не говорит: «Так мол и так: оставь душевные распри, ведь ежели не явится злыдень Бельский, то и владеть, стало быть, всем Сургутским золотом тебе одному. Более то некому». После того случая в тайге, поручик уж точно бы не стерпел, отыскал его и непременно, безо всякого, снял с плеч шальную головенку шашкой, с того станется. Но видать не досуг, вновь объявиться, а то может стигнул по лихости вместе с приятелем иноземным. Однако опасность все же была. Выходит, и расслабляться нельзя. О карте то Бельский и знать, ничего не знает; вот и думает, что, убрав свидетеля, все подходы к золоту обрубит, себе сокровища отпишет. А надо бы, на всякий случай, его опередить. Так и уснул Степан с тревожной мыслью, густым туманом в воздухе повисшей; на завтра решение отложил.

А утром, как солнечный заяц в глазах запрыгал, разбудил Степан Александру и велел собираться в дорогу; путь дальний, с ночевкой, вот и надо поспешать, не-то и к вечернему прилету глухаря не управиться, тогда уж только на утреннем току его и брать. Двинулись в дорогу на бричке. Конь то один, а колхозного жеребца для Сашки, Степан брать не стал; счел, что на своем управятся. Верхом идти в весеннюю тайгу опасно: проталин да ям много. Хоть и попрекали его местные крестьяне лошадью, но все же бывший партизан не спешил с нею расставаться; колхозное колхозу, а свое себе. Как был Степан мужиком хозяйственным, так им при колхозе и оставался, но за коня горой стоял. Доходило, что отнять пытались справную лошадь, в пользу конного двора, стало быть, да вот только не отдал Степан, пригрозился выйти из колхоза, коли ему на уступку не пойдут. Работник он при хозяйстве нужный, мастеровой; так и оставили ему коня. Сжились и с этим социалистическим непорядком, хотя косые взгляды людей отщепенец ловил на себе часто.

Поспешал Степан, немного припозднились они. День выдался погожий, даже коню по душе; то и дело, на рысцу без понуканий, сам переходил. Однако вскоре дороги не стало; раз и нет ее, одни тропы, а там и вовсе остановились.

- Далее я только на верховой ходил, хотя тут уж близко, - подытожил Степан, словно давая дочери понять, что до самого озера посложнее будет добраться.

- Что, пешком пойдем, а конь как же? – переспросила Александра.

Степан спешил, подошел к лошади. Потрепал за гриву:

- Она, Сашка у меня ломовая и не такое видывала. Двоих довезет!.. Ты у меня, вон - пушинка. Разве ж ей в тягость пушинку возить? – Дочь довольно рассмеялась отцовской шутке.

Лошадь распрягли быстро и, усевшись на холке, Сашка вцепилась в гриву. Далее сухостой после зимы почти в рост пошел, а тропка чуть заметная все же видна, по ней и торили путь, пока что неведомый Александре. Все вновь, интерес один, его от отца не спрячешь. Вертит

головой девчонка, а Степан улыбается: «Родная кровинка, моя порода. Не в мамку пошла!..», – это ему сердце так и шепчет.

К прилету глухаря не успели, тот уж по ветвям расселся, упрятался; в сумерках неприметным стал. Степан, остановив лошадь, соскочил.

- Ну, что же, будем зорьки дожидаться. На завтра целый день дорога. Стало быть, по утру и птицу справим. Мы с тобой, Александра, по большому счету, не за тем сюда приехали, чтобы косачей разглядывать. Это завсегда успеется. Сейчас огонь разожжем, а пока ты кашеварить будешь, я на озеро схожу, там топко, лучше одному, - не хотелось Степану сам тайник дочери показывать; не знал пока, как она к его богатствам отнесется. Сказал, что за сушняком посо lidнее пошел; всю ночь что-то жечь надо.

Александра проворно взялась за дело, а отец отправился к дальним камышам. Вернулся спустя время с коряжиной под рукой и небольшим мешком, по верху крепким узлом стянутым. Поставил на свету, у костра, и долго возился, пока открыл.

- Во как отсырел, не поддается. Давно здесь не был.

- А что в нем? – поинтересовалась Александра.

И весь долгий вечер, за чаем, рассказывал дочери Степан свою историю, начиная аж с Гражданской смуты, с того тяжелого времени, как угораздило его одному «белому», а еще вернее, «красному» офицеру помочь, так вот с той поры с этим золотом и мается. А куда применить не знает. Вон сколько монет - девать некуда, а хранить потребно.

- Где золото, там беда пучеглазая завсегда рядом трется. А ждать ее – это не жизнь, Сашка – это маета. Потратить бы его поскорее, да вздохнуть свободно, порадоваться, что его нет... - рассудил задумчиво Степан.

А у Сашки, прямо в глазах засияло; столько много золотых монет она и не видывала никогда. Однако поняла верно; держит это золото отца крепко и не отпускает даже не из-за привязанности к нему, не из жадности, а скорее из опасения, что за богатством таким рано или поздно, хозяева явиться могут. Вот и привязан он к нему, что пес, «цепью кованной на семи замках»; ни распорядиться им, ни власти передать. Здесь, ежели не заодно с ними, то свидетель, а их бандиты всегда недолюбливают – это Александра хорошо знала.

За полночь уж, пахнуло от кострища жаром. Спать в шалаше улеглись, так и не рассудив, как быть. Но старый партизан все же счел, чтобы дочь о его жизни все до последней мысли знала, надоело впотьмах выходы и входы искать; потому, как ежели не найдется золоту хозяин, то дочери самой и решать его судьбу. Как наговорились, так и улеглись, а мешок, Степан решил по утру на место воротить, заодно и дочери указать безопасные проходы через топь, не ко времени по темну болото топтать. Александра, хорошо понимая чувства и положение отца, приняла случившиеся в ее жизни, тревожные перемены, как должное; она любит и понимает отца, а потому и помогать ему станет во всех его печалях и тревогах. Степан благодарил дочь, что не отстранилась от родителя, а на его сторону встала, стала ему нужной и верной помощницей. Так и должно быть, иначе тоска смертная, ведь только на любви и доверии ближнему добрые отношения в семье ладятся.

А на утро, с зорькой, треск по тайге пошел, за версту слышно.

- То глухари, - шепнул тихо отец, - пусть разгуляются. Пойди понаблюдай за ними, а я костром займусь. Не стреляй пока, не тревожь их свадебного настроения, охоту на петуха после ладить будем - покажу тебе. Место токования – токовище они любят в старых сосняках устраивать; он хорошо просматривается и подлеска нет, легко уйти можно. Ты сама увидишь, как ловко у них получается. Птица свое токовище бережет и надолго сохраняет его. В нем и молодые глухарята вырастают. А токование, Александра – песня... Песня их жизни и любви; побьешь петухов без меры, утихнет лес надолго и песни не услышишь.

Выбралась Александра из шалаша и тихо, украдкой с ружьем к лесу пошла, на глухариный ток скрытно поглядеть.

Управился Степан у костра, котелок снегом набил, подвесил и за дочерью, следом. А та меж старых валежин сухое место нашла, притаилась и смотрит, а больше слушает, как глухари токуют. Не приходилось Сашке такую красоту наблюдать, так и затаилась выжидая. Присел осторожно и Степан, прислушался к kloкочущему пению петуха, замер.

- Они ведь любят друг друга... - романтично и нежно, по необычному для Степана, произнесла теплые слова дочь.

- Ты, Сашка, у меня какая-то особенная. Вот и тебе далась любовь глухарей, стало быть, понимаешь их чувства – это, танец, они же птицы, а весной все птицы поют, и друг перед дружкой танцуют.

Александра задумчиво устремила взгляд в сторону токующих глухарей, вздохнула слышно и глубоко:

- Они танцевали, кружились, словно поддерживали друг друга перышками, как ладонями или руками. Капалуха клонила головку, а он гордо поднимал – красиво...

Нравились Степану чувственные слова дочери; сам бы и не приметил такое.

- Но одного то петуха нам с тобой подстрелить все же надо. Матерью кладенное со вчерашнего прибрали, а днем что-то есть надо, дорога долгая. На то она и птица, чтобы при нужде на потребу идти. Ты только не волнуйся; этих, твоих, мы трогать не будем. После с ветки одиночку сниму, чтобы спокойнее на душе было.

- Может зайца или утку стрельнем?

- А тех не жалко? Ты таежница, Александра, а ежели в охотнике жалость к добыче пробуждается, знать пора ружье в сторону ставить, так что тебе выбирать.

Солнце уж занялось, пряталось, однако за лесом, таившим прохладу едва пробуждавшейся весенней оттепели. Она подступала неприметно, крадучись, словно опасаясь нарушить предутреннюю тишину, в потаенных уголках которой слышалась лишь грациозная песня глухаря. Казалось, лес говорит, курлыча и kloкоча гортанными переливами птицы, погруженный в тайну преображения, в миг рождающий грядущее. И плывет оно, разносится по распадам старого, но живого сосняка, хранящего в выдавших виды, кривых стволах былых столетий, сокрытую тайну, впечатанную в морщинистый взор усталого бора. Вот и сейчас он с печалью взирал во след покидавшим его людям, нашептывал о чем-то своем, таившем может предостережение, может оклик, который даже опытный Степан не распознал, не услышал...

Беда пришла неожиданно, как ветер нахлынувший шквально, как почва, уходящая из-под ног, как удар со стороны, который не ждешь и вовсе не готов принять его извечную карающую суть. Она обжигает сердце, лишая его способности защищаться, всецело повергает в хаос борьбы за жизнь, вынуждая терпеть и маяться, не находя успокоения в душе.

Трагический случай в тайге; да кто бы мог предвидеть. Земля вдруг ушла из-под ног Александры, и она исчезла в узком проеме земной тверди. Степан не успел удержать, не смог дотянуться, хотя инстинктивно уже осознал опасность, узнал ее, был с нею знаком. Волчья яма, ловушка; бросило жаром в лицо, опрокинуло сознание в стремлении оборотить вспять течение времени, отвести беду. Сашка лишь громко вскрикнула; она лежала на самом дне глубокой западни, обманки, в проеме остро заточенных кольев и смотрела на отца широко раскрытыми глазами. Она шевелила губами, силилась что-то сказать, но не могла, не получалось. Ее ватная телогрейка со спины была пробита насквозь острием смертоносного кола, с алыми следами крови по вершине. Но дочь жива, она пытается что-то сказать, подняться, и не может. Степана охватил ужас; он кинулся к шалашу за топором и принялся рубить стоявшую рядом молодую березку, чтобы спуститься и прийти на помощь дочери. Лишь один центральный кол, разорвав тужурку, вскользь прошел по позвоночнику, лишив тело способности двигаться. Степану приходилось, будучи в рядах партизан, скрывавшихся по лесам, сталкиваться с положением, в котором оказывались несчастные, угодившие в ловушки, порой специально устраиваемые для

защиты от разъездов и вражеских лазутчиков. В редких случаях бойцу или даже лошади удавалось остаться невредимыми. Степан спешил поскорее извлечь дочь из ямы и осмотреть рану. Болевой шок надолго лишил Александру сознания, и она первый раз застонала, когда, лежа на устроенной отцом волокуше, рядом с «золотым» мешком, который не было у Степана времени воротить назад, ощутила сильное головокружение. Потом опять провал в памяти. Вновь очнувшись, поняла, что ее берут на руки и укладывают на бричку. Парализованное тело не способно было шевелиться; сильная боль в позвоночнике не давала возможности делать какие-либо движения. Не произнеся ни слова, она вновь погрузилась в беспамятство.

Степан спешил, рана на спине дочери сильно кровоточила, и потеря крови или заражение могли стать причиной еще большей беды. Дорога не близкая, но иного выхода нет. Отец гнал лошадь в Колпашево, к поселковому травматическому пункту, только там есть врачи. Он надеялся и верил, что они обязательно помогут.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТЕЧЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

За окном осень, глубокая и дождливая. Здесь, в сравнительно теплом помещении вагона, он не чувствовал ее характерного, навязчивого присутствия, обволакивающего леденящим дыханием вечности. Старался не впускать мерзкий холод внутрь себя, не думать, забыть об этой поре года, пусть не насовсем, но отогнать присутствие пустоты, всюду волокущейся за спиной, следом. Промозглость сродни тоскливой обреченности, она как состояние беспечного прозябания, путь к трагичному и неизбежному финалу. Но, в тисках неволи, чтобы иметь хоть какой-то смысл в бесконечной череде наказаний, этого не случилось. Логике не виделось ни в чем...

В разрывах леса, плотно подступавшего к полотну дороги, мелькали редкие станции; серые скопища никчемных строений, строго означенных парой семафоров. Жизнь сама по себе текла где-то рядом, но ее словно и не было. Существовало лишь время, тягучее, как стывшая смоль на сосновых стволах, как стойкий паралич больных легких, как вязкий, остывающий черный деготь. И только оно отмеряло промежуток между было и есть. Обреченность ощущалась и довлела, как приходящая пора неминуемого увядания. Почему бы не освободить его весной, когда в моменты расцвета природы и всего живого, рвущегося к свету и теплу, еще можно думать о смысле жизни, ведь срок закончился еще зимой. Сейчас, в минуты покоя, слабо верилось, что он выжил и появилась редкая возможность думать о чем-то ином, кроме как о смерти. Он давно перестал бояться и одно время оцепенело ждал ее прихода. А она то спешила, пугая и насмехаясь, то проходила мимо, оставляя мучительный след растерянности, растерзанности и одиночества.

В первые, самые трудные месяцы лишения свободы, Игорь никак не мог согласиться и принять факт случившегося. Он внутренне чувствовал; Софья в его аресте не виновна, хотя все, что произошло с ним после последней их встречи, говорило об обратном. Почти невозможно было отследить тайный ход мыслей и намерения того «анонимщика», благодаря стараниям которого он оказался за решеткой и все попытки оправдаться, стали пустыми репликами, безнадежно онемевшими в шумном зале суда. Он вышел за рамки закона, строго регламентирующего поведение сотрудника секретных органов, обязанного защищать государственные интересы и устои, а не предавать их. Но он твердо знал; единственная женщина, которую любил, не могла предать. Однако только ее он вынужден был предупредить о текущем развитии неблагоприятных событий. Кто донес; по понятным причинам, узнать было сложно. Но такой человек существовал и наверняка он был известен Софье. Конечно же, сразу возникли подозрения в отношении хорошо знакомого ей, авторитетного эксперта, но тайная проверка спецслужб, не смогла уличить приезжего шведа в какой-либо враждебной деятельности в кулуарах всемирно известного музея. Скорее, после внезапного исчезновения, иностранца попросту не нашли, а вот ему, уличенному в преступлении, не дали возможности, а скорее не позволили убедиться в обратном. Поэтому сейчас, спустя десять лет тюремной каторги, возвращаясь домой, Игорю хотелось лишь одного – видеть Софью и убедиться в своей правоте окончательно. Жалел, что ситуация не позволила ему сделать этого раньше, а тягостное время терпения могло окончательно и жестоко стереть последнюю надежду на возможность когда-либо быть вместе. Самое печальное, что он почти уверен в этом. Зачем тогда искать и ворошить забытое? Однако душа стремится к любимой и хочет видеть ту, ради которой он выжил. Иначе теряется важный смысл, сама цель, в стремительном и пустом истечении отпущенного срока.

Сырая, суматошная Москва, встретила его тем же холодом, словно осень наследила и здесь, за многие тысячи километров от труднодоступных мест бескрайней тайги: «Что же сейчас, что дальше? – задавался вопросом Игорь. - Ему уже почти сорок пять, он больной, лишен-

ный каких-либо устремлений, человек. Уже давно умерла мать, а Лара, пропала где-то на юге страны, и много лет он не получал от нее никаких известий. Они потеряны друг для друга, и нужно будет потратить еще много усилий, чтобы хоть что-то разузнать об исчезновении сестры».

Игорь не имел при себе ключей от Московской квартиры матери, на Тверской, и ехал в Ленинград, единственное место, где можно было остановиться и попытаться ощутить присутствие жизни, почувствовать себя, еще хоть на что-то способным. Воскресить и наполнить ее забытым, но страстным ожиданием нового. Квартира на Английской набережной, странным образом уцелевшая от конфискации, преданно и безучастно ждала своего хозяина, храня и пробуждая смутные воспоминания былой поры. Он долго стоял у окна и смотрел на тяжелые воды свинцово-серой Невы, а скорее даже мимо; не видя и не воспринимая полноводную реку в той ее красе и положении, какие остались в памяти от города – колыбели революции. Нет, он думал не о том, раздираемом Гражданской войной времени; оно кануло в лета, Игорь пытался воскресить в памяти образ Софьи: «Какой она стала?.. У нее должно быть, почти взрослая дочь, которая при последней их встрече была совсем малышкой; запомнились ее глаза, а значит сердце хранит и удивительный взгляд матери, просто ему трудно восстановить черты ее лица. Он не забыл Софью, любовь нельзя забыть; ее можно потерять, не уберечь, но забыть – никогда... Наверняка она устроила свою жизнь иначе, чем ему бы хотелось и, возможно, их новая встреча мало что изменит в создавшемся положении, – Игорю нестерпимо захотелось увидеть эту женщину, хоть что-то узнать о ее судьбе. – Знала ли она о его аресте? Наверняка – да, и кто такой «анонимщик», ей тоже должно быть известно, невозможно не разглядеть звенья одной цепи. Вероятно, Софья даже каким-то образом связана с ним?.. Неужели – это все? Конец в их отношениях и к былому нет возврата? Но чтобы погасить в себе серый гнет удручающих воспоминаний и продолжать жить, нужно прежде стать иным человеком; забыть и сбросить, снять заскорузлую накипь с души, растворить осадок, оставленный временем, начать с чистого листа. Пусть сразу не получится, но он выжил, выстоял, а значит надо идти дальше, ведь главное у него есть – это свобода, о которой он мечтал, забывая порой, что такое возможно».

Волнительными ударами сердца, он впервые почувствовал давно забытое желание; вернуть смысл потраченным усилиям, найти себя потерянного, увядшего, но не побежденного, а лишь обретшего опыт и новые ценности. Именно они помогут ему стать человеком и этот едва пробившийся росток он сможет укрепить несломленной, оставшейся волей, которая в нем еще жива, теперь он знает – она есть... Только воля способна возрождать. Странно, но Игорь вдруг ощутил себя живым, почувствовал, что он по-настоящему свободен и может снова обрести цель, стать нужным, пусть пока только самому себе, но принять невзгоды такими, какими они ему достались.

Много раз, размышляя ночами, когда это было возможно, он по крупинкам известных ему фактов, старался выстроить логическую цепочку, способную повести его дальше того, что он знал. Сосредотачиваясь на обрывках не сложенной им когда-то мозаики, можно было в деталях восстановить забытое и попытаться достроить, соединить разрозненное в единую цепочку событий, увидеть логику. Что ему было известно из прошедшего времени? Канувший в лета конвой, возглавляемый штабс-капитаном Киселевым, безжалостно замученным в Японских застенках. Бесследно пропавшие образцы Сибирских орденов и Царское золото, ставшее лишь временным достоянием Тобольской Епархии. Они так и хранили тайну своего исчезновения и он, будучи сотрудником ЧК, не сумел отыскать и распутать концы исторически важного дела. Вернее, не дали, но кто был в этом больше заинтересован? Ни само же руководство аппарата МГБ, которое поручило ему вести расследование. Выходило, что единственными заинтересованными лицами, явно желавшими завести следствие в тупик, могли быть только два человека; попытавшийся скрыться и замести следы, бывший поручик Бельский, его личный агент, и все

тот же, неизвестный ему «анонимщик». Что если им был секретный представитель Ватикана, ведь ему так и не удалось просчитать замысловатый след опытного шпиона. Но каким образом, некто из Европейских наймитов «Ордена Иезуитов», мог на него выйти, завладев при этом совершенно секретной информацией? О бывшем поручике Бельском и о некоем Нильсе Эдвардсоне, ему и сейчас мало что известно. Одно оставалось ясным и понятным – какую-то часть Царского золота и те самые, пресловутые Сибирские ордена, попросту кто-то припрятал; только вот кто, и где? Конечно, хотелось бы объединить известные ему факты, но в положении «изгнанника» заниматься частным сыском сложно и не безопасно. Разве что только для удовлетворения своего личного интереса и не более того. Игорь собрался и вышел к набережной: «Лучше идти пешком», - подумал он, ощутив себя все же Ленинградцем, в неуклюжих стараниях, быть им на самом деле, несмотря на пестрое и невзрачное прошлое.

В старом дворике ничего не изменилось, да и что, собственно, за время его отсутствия способно было повлиять на сложившийся уклад и повседневный быт жильцов. Жизнь значимо переделывала только то, что созвучно эпохе. Увы, обветшалые дворы не склонны меняться; они всегда хранят воспоминания былого, подобно старости, покрываясь морщинами, остаются верными своей сути. Меняются лишь обитатели застывших в своем развитии обшарпанных строений, вовсе не стараясь внести в лишенный порыва, устоявшийся быт, свежую струю новизны, свойственную настойчивому течению неукротимого времени.

«Жив ли еще тот старый еврей?..» - от чего-то именно его Игорь вспоминал с благодарностью. Наверное, от того, что посторонний человек, оказавшийся рядом, не прошел мимо, когда Софье нужна была его участливая забота. Хотелось поскорее подняться и позвонить в дверь, но он присел на скамью. Утомила совсем не быстрая прогулка, одолевал недуг легких: «Он отпустит еще не скоро, и опустит ли вообще?..» - Игорь надеялся и сомневался; предстояло нудное и долгое лечение. Успокаивало заверение врача, что туберкулеза нет, но ослабленный организм нуждается в отдыхе и восстановлении. Однако все заботы о себе потом; сейчас нужно подняться по лестнице и позвонить: «Что, если откроет не она?.. Тогда еще большая тревога ворвется в душу... И вопрос, не дающий успокоения; где он был все это время?.. Почему, отодвигая их счастье, надменно и опрометчиво лишал себя и Софью возможности быть вместе?.. Был молод, неосторожен, невнимателен и небережлив к их отношениям. Если это будет она; станет ли он нужен ей теперь, после растерзанной в клочья жизни?.. Не вмешается ли в ее, может быть удачно сложившуюся судьбу, не нарушит ли размеренный покой и уют, выстроенный за дверью, в который он пытается внедриться со своей никому не нужной надеждой на участие и понимание?»

Дверь отворила приятная женщина. Игорь смотрел на нее пристально и долго, не отрывая тусклого усталого взгляда, хотя бодрил и настраивал себя. Но внешность не изменить так, враз, сделавшись обаятельным. Он не смог справиться с навалившимся волнением, даже когда улыбнулся, узнав Софью. Все, о чем они в эти минуты могли подумать, за них давно сказало время. Нужный диалог не вязался, словно наскучив друг другу, они расстались только вчера и сегодня им нечего было сказать; слова висли в воздухе, где-то рядом, может за спиной, может он и вовсе, войдя, ничего не произнес, а стоял и смотрел, и этого было достаточно. Неловкость положения; откуда она взялась?.. Они изменились, несомненно; в каждом жило свое, пережитое не вместе, осмысленное и прочувствованное врозь. Эта неосязаемость былых чувств и значений довлела в первые мгновения их встречи, и Игорю показалось, что фиалковые глаза любимой им женщины, уже не оживут и не засияют как прежде. И он никогда больше не сможет порадоваться хранимому душой взгляду. Но их преображение случилось, и Софья обняла его, надолго прильнув к груди, наверняка расслышав волнительные удары сердца, к которому словно притронулись теплыми ладонями, согрели и принудили стучать громко и внятно, а не

таиться в томительном ожидании чуда. Оно случилось только что, и должно остаться с ними навсегда, он ждал годы, растрачивая жизнь, ради этих волнительных минут.

Они прошли внутрь гостиной и Софья, удобно расположившись напротив, безотрывно и внимательно смотрела на него. Она безусловно переменилась, хотя он не успел пока определить; в чем именно? Взгляд удивительных глаз с интересом проникал в его душу, словно стремясь увидеть там бывшее, теплое чувство, ростки прежних исканий, о которых они оба забыли; занялись чем-то временным, не оставляющим следа в памяти. Игорь почувствовал их взаимное, мягкое влечение, знакомое ему притяжение, которое незримо нарастало, но впутывалась и мешала некая осязаемая сила присутствия рядом кого-то еще. Это настораживало и сдерживало обоих от зревшего откровения, копившегося по жизни всегда, но оставленного на далекое, затуманенное временем после. И вот оно, спустя десять лет мучительных ожиданий и волнений, готово было случиться, но порыва неудержимого влечения не произошло: «Что это?.. Почему?..» - Игорю с нетерпением захотелось ощутить прежнюю теплоту, пахнувшую в открытое лицо внезапной волной надежды, но Софья неожиданно преобразилась, стала серьезней, с заметным и не ускользнувшим желанием, раньше выслушать его.

Им было о чем говорить, и долгим днем, поверяя друг другу пережитое, они и прощали сами себя и корили за неумение видеть, ценить и чувствовать боль утраты. И вот сейчас, осознанием значимых потерь, укором судьбы оголилась перед ними, обнажая суть взаимоотношений, прожитая врозь недосказанность. И, несмотря на скрытую притягательность, их беседа носила больше характер личных переживаний, плавное и мягкое прикосновение к внутренним, изменившимся чувствам бывших когда-то симпатий и может быть едва пробивавшихся ростков понимания и сочувствия, нежели глубокого и безоглядного доверия самим себе.

Осторожно касаясь в разговоре неотъемлемых планов на будущее, Софья чувствовала стремление Игоря, отчасти вернуться к прошлому, попытаться восстановить бывшее отношение к себе в среде бывших коллег, для многих из которых его внезапный арест возможно так и остался неким недоразумением, и теперь есть возможность исправить его. И если многое и важное для возможности реабилитации зависело от Игоря, способного простить и забыть занозившую сердце обиду, то для Софьи, хранившей в душе неразстворимую накипь несмываемого временем осадка, показалось странным это желание ее друга. Нотка доверия, старательно выстраиваемая в их, казалось бы, оживавших отношениях, медленно таяла и растворялась, заменяя себя необходимостью осторожничать, комкать доверчивость и открытость женщины, превращаясь в интерес и прозорливость, дабы в очередной раз не стать жертвой возникших обстоятельств.

Софье не хотелось вновь ощутить чувство скрытой и забытой тревоги, которая вдруг вошла в дом с появлением близкого ей человека. Напоминанием своей терзающей душу сути оно давало понять, что к прошлому возврата не случится, пусть оно и хранит самые добрые воспоминания. Этими реалиями не нужно начинать жить вновь – это прожитое, хранимое лишь памятью, и лишнее сейчас. Любые осторожные намеки, ничуть не должны были колебать, все более складывающиеся и крепнувшие убеждения Игоря в желании оставаться нужным и востребованным, не быть выброшенным за подержанностью, подобно устаревшему заношенному до дыр тряпью.

Что же, именно чувство тревоги и вызвало нотки зреющего недоверия. Софья то и дело стала ловить себя на мысли; рассказывать ли бывшему сотруднику спецслужб всю ту историю с драгоценными орденами, произошедшую в глуши Сибирской тайги? Открыть ли тайну появления в ее жизни Олега, жившего сейчас под другой фамилией, которого Игорь с пристрастием разыскивал в свое время? Не слишком ли много загадок и секретов для заинтересованного в своей реабилитации бывшего работника аппарата ЧК?.. Не вызовет ли, удушающая для представителя Лубянки информация, излишнего профессионального любопытства? Заинтересовавшись, Игорь может только лишь навредить сложившемуся положению, всколыхнув подер-

нутую устоявшейся тиной реальную правду; чему, несомненно, были бы рады не все участники тайной миссии к шаманам. Софья понимала, что при близком и более тесном общении с Карпатовым, все секреты могут обнажиться сами собой; через Варвару, при случайной встрече с Олегом или его сыном. И тайна известная многим, уже перестанет быть тайной. Уверенности в том, что Игорь поймет все правильно и встанет на их сторону, храня так необходимое всем молчание, не было. Его заверения и намерения строить свою жизнь иначе, в свете личных переосмыслений, для Софьи были пока что недостаточно убедительными, чтобы всецело поверять секреты, которые касаются судеб многих людей. Стало быть, их отношения с Игорем не должны выходить за определенные рамки, становиться теплыми и доверительными, по крайней мере так скоро. Они, ни на толику не сблизившись, сдержанно дали понять друг другу, что невостребованные временем чувства вернулись лишь на мгновение, давая им возможность вспомнить, узнать и пробудить себя, но не воспламенить прежние симпатии; тот обжигающий огонь любви отгорел, превратившись в добрую, уважительную и благодарную память.

Простившись с Софьей поздним вечером, когда Игорю по случаю все же довелось засвидетельствовать свой визит появлением Варвары, возвратившейся с работы, он долго и одиноко бродил по городу, задумчиво прохаживаясь вдоль набережной Невы. В жизни Софьи многое поменялось, хотя она все та же; девчонка с глазами, которые он не смог забыть, они и теперь лучат теплотой их прежней близости. Игорю хотелось разобраться и до конца понять: что их сближает, а что смущает и настораживает, теснит его к обочине пути, которым он уже однажды шел, ведь от его, пусть загрубелой с годами, но чувственной души не смогло ускользнуть тревожное состояние Софьи. Откуда оно?.. Его не должно быть; хотя, на самом деле, если оставаться честным перед собой, то именно по его неосторожности, а скорее вине, она прошла те же ужасы лагерей, что и он. По вине того же «анонимщика», о котором он узнал теперь некоторые подробности, их судьба круто поменялась. За что ей это?.. И он еще пытается оправдаться, заглаживать вину. Да, он просил прощения у Софьи, и она простила, но была ли до конца откровенна прощая, не жалела ли, за пережитое, понимая и сочувствуя тому положению, в котором он оказался и тогда, и сейчас. Пусть так, но он не сумел пробудить в ней того откровения, которого ждал, на которое рассчитывал. Она чего-то словно не договаривала, опасалась, боясь полностью довериться ему. Что доброго сделал он – наверное ничего. Он не простился с матерью, не был на ее могиле, не знает ничего о судьбе пропавшей сестры; ему еще во многом нужно разобраться, о многом предстоит позаботиться прежде, чем он сможет даже говорить о своем прощении совестью. Если сердце болит, значит ищет откровения душа. Обращение к совести – это как разговор с Богом, и когда она востребована, значит диалог состоялся. Именно это пытался донести Игорь до самого себя весь этот необыкновенный, многообещающий и, в чем-то, таинственный вечер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ОМУТЕ НЕСОГЛАСИЯ

Следующий год, после возвращения из Новосибирска, Отто Свенсон провел в беспокойстве. Трагический случай, произошедший с напарником и бывшим поручиком Бельским, в глухих дебрях Сибирской тайги, никак не укладывался в рамки возможного. В его, по особому ориентированной голове, вера в способности шаманов превосходила любое представление о реальности воздействия колдовства на человека. Остался терпкий и тревожный осадок, да и не только. В свое время, будучи направленным в Советскую Россию в качестве епископа и священника Восточного католического обряда, миссионер Отто Свенсон, по возвращении в Киев из далекой глуши, отчетливо понимал, что его конспиративная деятельность в ближайшем будущем должна будет приобрести новую, более значимую окраску: он был в этом абсолютно уверен. Однако осведомленные представители, в лице влиятельных людей «Ордена Иезуитов», после его последнего сообщения о готовности довести порученную ему миссию до конца, ввиду вступления ее в завершающую фазу, подозрительно отмалчивались. Такого отсутствия внимания к тайной деятельности, сопряженной с разного рода опасностями, он не мог себе представить в преддверии выполнения стоящих перед ним задач. Тревожили мысли самого разного толка; Свенсон не знал, были ли это трудности организационного порядка, просчитывались ли самые приемлемые и малозатратные варианты тайного вывоза сокровищ за рубеж или молчание было связано с его не совсем компетентной подачей, как возможного риска реально существующих опасностей, так и их последствий. Возможно, он даже переусердствовал с требованием поддержки его специалистами особого рода, но ему казалось, он достаточно внятно дал понять сторонникам тайного собрания, что без магического воздействия определенного рода, с мистической силой шаманов ему не совладать. Нельзя было исключать и политический аспект тревожного времени. Здесь, у себя, в Киеве, Отто тщательнейшим образом скупал всевозможные газеты, уделявшие теме грядущих перемен в Европе первую полосу. Он был прекрасно осведомлен пестрившими известиями о том, что к взошедшему на папский престол в тридцать девятом году Пию XII, как и к его предшественнику, Пию XI, Москва не испытывала абсолютно никаких симпатий. Ватикан, вот уже как десять лет был признан суверенным государством, но ни одна из сторон не стремилась к установлению «нормальных» отношений. Святой престол откровенно занимал позицию «военного нейтралитета». У нового понтифика в самом Риме хватало политических беспокойств. Испытывая постоянное давление со стороны итальянского фашистского диктатора Муссолини, папа из всех сил пытался сохранять нейтральные позиции. Еще в апреле этого же года Пий XII выступил с предложением посредничества на переговорах между крупными европейскими державами, находящимися на грани новой мировой войны. Кроме всего прочего, в Ватикане понимали, что национал-социалисты Германии вряд ли будут лояльно относиться к устоям католической церкви, выстраивая новую, собственную идеологию и религию.

Положение дел в мире безусловно тревожило и Свенсона, ведь как никак, а он находится в стране, у которой сложные политические взаимоотношения с некоторыми государствами Европы. Довольно сносно ориентируясь в политических водоворотах приходящего времени, он все же то и дело находил в некоторых зарубежных изданиях намеки на то, что Марксистский призрак коммунизма, в лице Коммунистического Интернационала, управляемого из Москвы, действительно бродил по всему Европейскому континенту. Коммунистические партии, действовали практически во всех ее странах и после первых неудачных попыток завоевать власть, не успокоились, а только наращивали силы для дальнейшей борьбы, а главным их оплотом и вдохновителем, конечно же считалась молодая страна Советов. Ее народ проводил грандиозную индустриализацию и наращивал экономический потенциал, а вместе с ним и военную

мощь. Призрак становился угрожающе страшной реальностью и поэтому вся Европа могла поддержать Гитлера в его стремлении на Восток.

Все эти политические беспокойства вынуждали волноваться Отто Свенсона по поводу своей дальнейшей роли. Миссионер понимал, что, если вдруг разразится война, важность и возможность выполнения затянувшейся миссии станет не столь значима для «Ордена», а вместе с этим, и он сам, попросту обретет ненужность в глазах попечителей; затеряется малой льдинкой среди могучих айсбергов бушующей стихии, и о незавершенной миссии совершенно забудут. Никто не станет разыскивать ни его, ни какие-то утерянные ценности; в хаосе мирового столкновения станет попросту не до них. Пойди, найди потом канувшие в лета факты, а тем более людей причастных к таинственной и неправдоподобной истории. Поразмыслив, Отто решил не тревожить своих покровителей излишними домогательствами в оправдание своего бездействия. Пусть события развиваются по пути меньшего сопротивления; а, стало быть, с пользой для него и для дела, которое он несомненно постарается вновь взять под свой полный контроль и завершить, пусть и независимо от директив центра. Тревожило лишь деликатное обстоятельство одного незаконченного предприятия. Оно то и не давало возможности сидеть сложа руки. Поручик Бельский погиб, а о «Петровой норе», что была устроена обреченным на гибель конвоем в тайге под Сургутом, во всех ее топографических подробностях, известно было лишь Степану, бывшему красному партизану из деревни Новоселово. Поэтому, вспоминая своего таинственно сгинувшего компаньона добрыми словами, Отто все же был благодарен предоставившейся возможности лично решать судьбу упрятого в дебрях лесов Царского золота: «Степан будет вынужден рассказать все: даже место клада укажет, и до шаманов на этот раз лично доведет, иначе голову русскому мужику, в отсутствии его хозяина, как не трагично, но придется срубить самому».

Однако, спустя время, необходимое для согласования принятых решений, в далекой Италии, Архиепископом католической церкви, в лице Святого престола, несмотря на тревожное развитие отношений между двумя странами, было принято решение о направлении в Киев одного из секретных представителей конфессии, обладающего совершенными и тайными навыками гипнотического воздействия на сознание человека. О скором прибытии Мага Этана и возможностях его необычного использования, Отто Свенсон узнал по специальным каналам, которыми пользовался для экстренной связи с «Орденом». Время конспиративной встречи было оговорено и оставалось лишь ввести обладателя русских, древних родовых корней, в курс дела.

Само имя влиятельного Мага звучало магически и отдавало оттенком таинственности и силы. Однако прибегать к использованию его особых способностей разрешалось лишь в конкретном случае, связанном с психическим воздействием, направленным на нейтрализацию ритуальных заклинаний шаманов, при проведении секретной операции, которую необходимо будет разработать и организовать Отто Свенсону. К другим оперативным действиям на территории стороннего государства привлекать Мага Этана категорически запрещалось. По завершении работы с шаманами, Маг должен будет незамедлительно покинуть страну по известным ему тайным каналам. Миссию, связанную с доставкой «груза», планировалось осуществлять отдельным распоряжением в связи с возникшими сложностями по использованию Северного морского пути. В секретном послании до Отто Свенсона доводился лишь факт вновь разрабатываемых мероприятий, о которых будет сообщено дополнительно.

Совсем несвоевременно пришедшее послание Ватикана трескучим громом разразилось над головой оторопевшего Отто Свенсона. Именно сейчас, ему меньше всего хотелось заниматься сокрытыми у Лиственной личины Сибирскими орденами. Можно было тихо разобратся со Степаном и заняться золотом Тобольской Епархии, забыв до поры про остальное. Уж больно сомнительными казались ему будущие услуги Мага, а вот в способностях шамана

Атунды, удачно разместить его под той же елью, что и поручика Бельского, он ничуть не сомневался. Невольно вспомнились слова шамана: «Темные силы вырвались наружу и теперь блуждают среди людей! – предупреждал он его в прошлом. - Помните, - говорил шаман угрожающе, - кто из вас, хоть однажды осмелится войти во владения святого места наших, ушедших праотцов, тот никогда больше не увидит солнечного света!.. Так сказал не я — это воля всемогущего Бога Номы!..» Отто со страхом вспоминал предостережение могучего шамана, но осознавая свое бессилие перед волей непреклонного «Ордена» оставалось лишь уповать на сверхспособности отбывающего в его распоряжение Мага Этана. Отто все больше начинал склоняться к тому, что, находясь под защитой властного и знающего колдуна, всевозможные угрозы и предостережения шаманов, можно будет легко нейтрализовать и беспрепятственно осуществить задуманное.

Чтобы окончательно восстановить контроль над своими помощниками, Отто навестил их в далекой сибирской столице. После глубоких внутренних потрясений он долгое время не возвращался к тайной деятельности на благо конфессии. Поездкой остался доволен лишь по той причине, что, будучи единственным резидентом, ему удалось ориентировать обоих на поиски предавшего их интересы Степана, отбившегося от рук и позволившего себе много лишнего. Однако трогать и тревожить таежника в тот период настрого запретил: важно было знать, как мужик крестьянствует в деревне и что себе позволяет, чувствуя себя свободным от клятв и обязательств. В далекой Сибирской глубинке ему должно быть жилось все эти годы всласть, если учесть, что сам Бельский часто одаривал, покладистого с виду подельника, Царскими золотыми червонцами из общей казны и для Отто этот факт не являлся новостью.

И вот сейчас, получив тревожное послание из Ватикана, Свенсон крайне нуждался в подробной и срочной информации о Степане, которую по его распоряжению, должны были собрать помощники. За год его отсутствия, полагал он, картину тихой жизни бывшего партизана, его доверенные лица могли и должны были обрисовать во всех подробностях. Однако ехать вновь в далекую Сибирь, отнюдь не хотелось тем более, что вскоре намечался приезд тайного Мага из самого Рима, а к встрече высокого гостя готовиться придется основательно. Этот факт все же удержал миссионера от поездки.

Предстояло не только разыскать прыткого беглеца, но и наказав за дерзкий поступок, заинтересовать, или даже угрозами и ловким шантажом, склонить к продолжению полезного для обеих сторон сотрудничества. Он плохо знал, способного на многое, таинственного Сибирского жителя, в равной степени, как и саму, своенравную и суровую жизнь северных народностей России, поэтому и готовил себя к неожиданностям и возможным хитростям Степана. Хорошо понимая, что времени на сближение практически не осталось, Отто возлагал большие надежды на помощь агентов, давно засидевшихся без должной загрузки.

Прошло около двух недель томительного ожидания, прежде чем из далекого поселка Колпашево пришла шифровка, в которой сообщалось: «Тетя в здравии, подарки приобретаем». Из сообщения радовало одно; Степан на месте и нужно искать к нему нестандартные подходы. Понимая, что работа Мага сугубо конфиденциальная и конкретная, то по пустякам его трогать нельзя, и в этой связи, Отто намеревался воздействовать на Степана довольно жестко, вплоть до угрозы устранения в случае нежелания сотрудничать.

Как был бы рад коллекционер Свенсон, прекрасно разбиравшийся в культурном наследии не только Европейских, но и Российских мастеров, послушать хоть раз дивные перезвоны со звонниц многих разрушенных большевиками церковных соборов в Киеве, но увы искусные строения с тоской пустынных арок взирали на мир в сиротливом молчании, надолго лишенные возможности одаривать прихожан переливами священных колоколов. После взрыва Михайловского Златоверхого собора, где Отто часто любил прогуливаться в парке, его излюбленным

местом поклонения католической церкви, стал Костел Святого Николая, построенный в лучших традициях Европы. Он был необыкновенно красив, и навевал некое мистическое ощущение отрешенности от места, на котором был построен. В погожие, солнечные дни он удивительным образом словно возникал из небытия, становясь зримым, и казалось растворялся, сливаясь с серым окружением в непогоду. Конечно же, заповедные места Киево-Печерской Лавры, одной из важнейших святынь по времени основания монастырей Киевской Руси, расположившись на высоком берегу Днепра, имели свою, особую притягательную силу и Отто любил бывать здесь. Как не вязалась его теперешняя жизнь шпиона с теми духовными преобразованиями происходившими в обществе на его глазах, он все же находил возможным ближе узнавать народ чуждый его вере, а все его устремления, как ни странно, всегда находили отклик и понимание среди редких служителей, в тайном опасении покровительствовавшим гонимой и попираемой, православной церкви. И тем не менее, Свенсон опасался и сторонился чрезмерно активного интереса к завуалированным обязанностям миссионера и епископа Восточного католического обряда, со стороны как наместников сторонней веры, так и назойливых представителей власти. Жил и осуществлял свою скромную деятельность придерживаясь строгих рамок возложенного на него «Орденом» долга, стараясь во всем быть тихим и неприметным, хотя, как и положено резиденту имел свои тайные пути отхода от дел, и самоустранения на случай провала.

Со свойственной ему прозорливостью Отто не мог не обратить внимания на то, что большинство населения, несмотря на весь антицерковный террор, проявлявший себя за последние пять лет еще более активно, не побоялось, открыто придерживаясь своей веры, заявить о неприятии богоборческой идеологии большевиков. От репрессий местная власть отказаться не могла, и поэтому аресты были повсюду. И пусть за весь период своего пребывания в Советской стране, Отто Свенсон и считал Русскую церковь практически полностью ликвидированной, сломать ее духовно большевики так и не смогли. Учитывая сложившуюся у Коммунистов неприязнь к церкви, миссионер тщательно продумывал способы безопасного нахождения в России тайного представителя конфессии, Мага Этана. По прибытии высокой особы он обдумывал план о поездке в ту самую Сибирскую глубинку, где великому магистру предстояло проявить свои профессиональные способности. Однако прежде требовалось самому разобраться с информацией, полученной от доверенных лиц, непременно расшевелив их сообщением об их скором приезде.

А пока он был свободен и в ненавязчивых, частых прогулках по городу, предпочитал уединение, и покой. Это не мешало размеренно и тщательно, просиживая за рюмкой хорошего Грузинского вина, выстраивать замысловатые лабиринты благоприятного развития событий в будущем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВЕСНА АНЧИКИ

После смерти жены и ухода в «нижний мир» души старого Чалгая, Атунда не раз вел разговор со своей единственной дочерью о том, что духи предков избрали ее на выпавшую ей долю преемницы; больше некому было по роду перенять знания мудрого шамана. Двое их осталось в роду; многих оленей Атунда продал; не в силах был содержать большое стадо, да и к чему? Иные, вон, и вовсе без оленей, голодом себя морят. Селькуп не запасливый по характеру, в будущее не глядит, не заготавливает впрок по причине кочевой жизни. Имеет, что поесть – все и съедает. После удачной охоты, главное пир устроить и досыта себя накормить. Сын Чалгая, однако, имел на этот счет свое видение, должно по крови рода перетекла к нему участливая забота о стане, и о единственной наследнице. Смысла нет, без оленей жить, считал Атунда. Очень при такой жизни сын нужен, а у девушки хлопот и без того хватало. Оставшиеся олени в течение всего лета и в сентябре паслись в близлежащих тундрах и близ чумов, прячась от гнуса в сараях с устроенными внутри дымокурами. С середины лета Атунда часто уезжал на рыбалку один, без Анчики. Июль, август и первые дни сентября были главным временем для рыболовства, шла заготовка рыбы и продуктов из нее на зиму. Тогда и начинался сетевой лов; падала большая вода и рыба, отнерестившись, нагуливала себе жирок. С приходом времени ледостава курьи и маленькие речушки перегораживались запорами, а пойманная в них рыба замораживалась. Большой спешки с ее доставкой и солением не было, поэтому несмотря на трудности, особой заботой Атунда себя не обременял. Анчика часто оставалась на стойбище в долгом одиночестве, которое скрашивалось лишь назойливым присутствием молодого Бойки. Щенка подарили отцу шаманы, однажды приезжавшие на стойбище для камлания и лечения жены знакомого оленевода, хворавшей непонятной, редкой болезнью.

Атунда хорошо знал, что у злого духа Кызы есть множество духов-помощников, которые, «как ветер», проникали в человеческое тело через кожу, вызывали болезнь, поедая тот или иной орган. Они вселялись в человека в виде червяка или насекомого и двигались по кровеносным сосудам. Поэтому без шамана было никак не обойтись и, призывая своих добрых духов лозы, Атунда приступал к лечению больного, задаваясь целью изгнать непрошенного гостя. Его духи «гоняли» в человеке злых лоз, стараясь выгнать их на поверхность тела. Он научен был это делать, но всегда сильно опасался того, что даже со смертью человека злые лозы не погибали, а могли «уходить на ветер» и проникать в другого человека, находя себе новую жертву. Атунда знал, что причиной болезни являлся злой дух, похищавший у человека душу и ему нужно было отправляться на поиски. Он верил, если удастся найти ее и вернуть на место, больной выздоровеет, в противном случае – умрет. Тогда ему удалось отыскать душу и, избавив от злых лоз, он вернул ее больной женщине. Она, слабая, но здоровая воротилась к своим детям. И будучи благодарным, радостный оленевод подарил Анчике доброго, породистого щенка. Анчика стала называть его Бойко, а как иначе?.. Уж больно жалостливо, старательно и бойко камлал Атунда при проведении обряда изгнания злых духов, что страдающий муж бедной женщины, сидя у стены яранги рыдал, не сдерживая слезы, и был готов отдать свою жизнь злым духам Кызы, только бы мать четверых детей осталась жива.

А с ноября, вместе с отцом, Анчика отправлялась на «малую ходьбу» начинался промысел обрядившейся в зимнюю шкурку белки, которую они промышляли в бору, вокруг своего стана, совершая небольшие выезды сроком на один-два дня. Окончив промысел, отец возвращался домой и вместе с Анчикой, начинались поиски разбредшихся по тундре оленей. На всю

долгую зиму продовольствия хватало; к тому же оно дополнялось добываемой на охоте водоплавающей и боровой дичью, мясом оленя и лося, а также заготовленными в летне-осенний сезон ягодами. Самостоятельно, без дочери, отец охотился лишь в феврале, когда отправлялся на «большую ходьбу», на промысел соболя по хвойным лесам левобережья Оби, за сотни верст от своего дома.

Часто, в зиму, Анчика одна ездила на длинной оленьей упряжке к незаморенному ручью, где зимовала рыба. Рыбачила, брала воду, которая нравилась несравненным ни с какой другой, вкусом. Источник был скрыт и встретить в той местности кого-либо, она никак не предполагала. Там и был тот самый живой родник, у которого она, когда-то давно прятала Андрея от злых людей. Память многолетней давности еще осталась, и часто вспоминая, ставшую ей подругой, Варвару, она и сейчас была бы не прочь с ней увидеться. Однако живет подруга далеко, в большом и красивом городе Ленинграде: «Вот бы хоть разок побывать в том неведомом мире белых людей», - хотелось Анчике, но забота об отце и стане были важнее светлой, но несбыточной мечты.

Здесь, у источника, она случайно повстречалась с молодым охотником. Раньше Анчика там никогда не встречала людей. Его звали Онега, он оказался сыном охотника Югры из-под Парабели. А тут метель разыгралась, так и буравит снег, рвет его под самое небо. Ветер веет, троп не видно. Подумал Онега; королева, а то и Фея самой пурги с облаков спустилась. Так и хочет его домой не пустить, в свои владения чарами неземными манит. Может то внучка самого Бога Нома?.. Сердце сильно забилося; смотрит парень, а слов не находит, пропали слова, как и он, наверное...

- Эй! Охотник, забрел ты очень далеко, - первой заговорила Анчика. - Ни выючного чума у тебя с собой, ни собаки, одно ружье. До Парабели далеко будет. Где ночуешь, волки вон кругом, а ты без оленей - один? - обеспокоилась вдруг дочь шамана, глядя на молодого охотника.

Посмотрел Онега на девушку ясным взором, с интересом тайным, вовсе Анчике неведомым и чуть было не растерялся; так и обожгло сердце вопросами: «Ой красивая! Кто такая? Откуда здесь? Почему одна, не боится пурги?» Так и закружились хитрые мысли в голове, подобно снежной круговерти, пришлось рыбалку отложить: «Все одно шалаш рубить скоро, укрываться пришло время, да и вечер вот-вот, хотя уже и не разобрать», - озадачился Онега, а сам все на девушку глядит, глазам не верит.

- Ночлег я ладить собираюсь, пурга на всю ночь. Немного не рассчитал с обратной дорогой, мимо шел, на доброе место набрел, вот меня рыбацкий азарт и попутал. А ружье при охотнике всегда, волк не сунется, обойдет, - отвечал улыбчивый парень, все пытаясь отогнать назойливую снежную пелену, в лицо девушки всмотреться. Только выюга не унимается, глаза застит.

- А вот ты почему здесь, откуда, вблизи и жилья то нет?

Анчика вся в волнении, беспокоится, не может она человека одного без помощи в тайге оставить.

- О каком ночлеге ты говоришь, охотник? Ты совсем смелый, замерзнешь здесь, на ветру! У меня олени рядом стоят. Собирайся быстро, на ночлег приютим с отцом, а днем и пойдешь на свою Парабель, путь то не близкий, - так озорно и настойчиво распорядилась Анчика, что у Онеги и слов не нашлось, чтобы возразить, а уж если по чести, то и не хотелось ему. Рад был такой редкий случай не упустить, с красивой, проворной девушкой познакомиться. Сам Ном ему благоволит, следом идти, послушным и счастливым быть, как олень...

- И чья же ты дочь? Мой отец в округе многих оленеводов знает.

- За горячим чаем расскажу, а сейчас собирайся, пока нас совсем не замело. Я вот только воду в туеса наберу.

Метель в мгновение все пути запорошила, еле высмотрела Анчика след от саней. Да, что ей след, и без того каждый бугорок да деревце знакомы. Быстро домчались и за чаем отогре-

лись наконец. Хозяин хлопотал, привечая случайного гостя. Слышал он о его отце много хорошего, и охотник он был славный, хотя встречаться не доводилось, тундра большая, а на промысловых зимних ярмарках Атунда редко бывал; шаман он, а не торговый человек. Рад был и Онега знакомству с шаманами, однако никак не думал, что окажется в их стане. Все и знакомо ему и ново; когда в юрте Чалгая ночевал, все то наряды колдовские рассматривал. И все больше волновало его необычная яранга, где не однажды камлали родовые шаманы Анчики, может быть даже она сама, но только вот не верилось Онеге, что шаманки такими красивыми бывают; старыми колдуньями себе их представлял, с бубном да колотушкой в руке, а встречаться не доводилось. Не может такая девушка с духами знаться; улыбка ее мягкая, в глазах чистые всполохи загадочных огней от очага, с блеском живым и манящим, они как влажные озерные цветки, внезапно возникшие из водных глубин. Все чаще поглядывая на единственную, проворную хозяйку небольшого затерянного в Кетской пойме стана, Онега начинал понимать, что с ним происходит некое доброе преобразование, которого он в глубине своего сердца никогда до этого не испытывал. А оно то жаром обдаст, то ледяной волной окатит, а то вьюгой снежной в лицо бросит; все сильнее становилось ощущение, что не миновать ему разговора с отцом о скорой свадьбе. Уже убедил себя в душе молодой охотник, что никак не сможет он теперь с радостью возвращаться из тайги, если не будет знать, что в доме его ждет именно такая жена, как Анчика. К вечеру неистовая буря стихла, небо обнажило яркие звезды, выставляя их напоказ пучеглазым оленям, зарывшимся в снег от удовольствия. Лучившая жаром огня печь, согревала уютное пространство чума, наливая румянцем щеки не только молодой пары, но и самого Атунды. Ели вкусную оленину и пили чай. Онега рассказывал гостеприимным хозяевам о своей семье, о забавных случаях на охоте, а Атунда, слушал и вспоминал буйную молодость, когда он сам, как Онега, бороздил на лыжах просторы тайги, когда мудрый отец Чалгай и жена Ойту делились с ними душевным теплом в яранге, за горячим чаем. А как сияет личико молодой Анчики; отец видел, от него не утаишь. И мечтал шаман о счастье дочери, он знал; вот так внезапно оно и приходит, знать и время настало о внуках думать. Чем не жених Онега, вот бы только догадался сватов заслать, и Атунда готов был даже от «медного котла» и подношений сразу не отказываться, но для важности все же надо будет разок и не принять дары от знатного охотника Югры, пусть за сына похлопочет. Счастьем представились Атунде заботы и, со вздохом отхлебнув горячий чай, шаман продолжил грезить о прекрасном времени: «Будет, кому дело передать, сохранить ранимую жемчужину наследственного дара, не утратить знания Чалгая, а приумножить».

Прав оказался Атунда; уже ранней весной, должно быть сразу после обряда гадания, устроенного родственниками Онеги для определения правильности выбора невесты, к одиноко стоящему стану подъехали гости. К яранге Атунды подошли засланные Югрой сваты и поставили к ногам отца Анчики «медный котел», наполненный подарками. Радовался в душе шаман началу празднования «таскания котла», но для важности, как и полагается по доброй традиции, покрывил носом и от даров жениха знатного рода охотников, отказался. А в нем и шкуры соболиные, отрезки материи, бусы красоты особой, одежды нарядные для Атунды. Воротили сваты котел молодому жениху, пришлось Югре раскошелиться, добавить дорогих подарков несговорчивому шаману. А после Атунда и не рядил вовсе, пригласил гостей в ярангу, чтобы свою красавицу дочь родителям Онеги показать. Гордиться стал Югра сыном, что добрую невесту выбрал, в округе такой и не найти, так и сказал, добавив к подаркам еще и десять оленей – дочь шамана ему по душе пришлась. Калым конечно же Атунда принял, только вот высказал одну просьбу Югре, по совести. Как приданое своей единственной дочери, он пожелал передать весь свой стан и большое хозяйство в распоряжение Онеги, будущего мужа Анчики, дабы не оставили молодые отца-шамана жить в одиноком общении с духами, а он уж в помощь им будет.

Лишь только окреп молодой приплод оленей, и к весеннему прилету птиц, закончилась церемония «оживления бубна», в стане шамана Атунды сыграли свадьбу. Отныне, сын старого

Чалгая знал, что грядет время, он будет держать на своих сильных руках не только новорожденных телят, но и поднимет к небесам первого внука, сына Анчики и Онеги. Тогда не иссякнет известный род шаманов, найдет себе достойного приемника - внука и ученика Атунды.

И вот, настало то утро, когда шаман проснулся в тревоге. Ночью было ясное видение; он плыл по реке на лодке-долбленке, а из густого тумана на встречу ему выступил оживший лик Лиственной личины. Того самого дерева, у подножья которого, по воле Варвары, был утерян в болотах священный талисман Чалгая и навсегда закрыт портал входа в мир духов. Не раз шаману приходилось общаться с таинственными силами иного пространства, но при камлании он лишь в мыслях задавал им вопросы и сам отвечал, когда духи интересовались трудностями пребывания в «мире среднем», а такого рода общения он давно не переживал. Исказился лик порге, и глухо молвило оно Атунде различимыми и емкими словами: «К Кассыль-по, жертвенному дереву и священному месту, не велено подходить ночью, нельзя «ходить на личину» женщине, а она пришла и нарушила порядок общения с духами «нижнего мира». Магический камень, наговоренный идол, остался лежать брошенным на зыбкой траве. Дух болота и воды Уткыль лоз, не поглотил и не принял его. Он терзает душу старого Чалгая, и она не находит успокоения в «верхнем мире». Почему ты, сын шамана, совсем не думаешь о покое отца!? Мачиль лоз хочет очистить оскверненное место и велит забрать сокрытые, чуждые вещи, - угрожающе требовало видение. - Только потомок из рода шаманов, может отыскать талисман и владеть единственным ключом к таинству могущественной Ели. Иначе, дух твой будет обязан при камлании вступить в интимную связь с Мачин лозыт наля – дочерью хозяина леса. Если же шаман откажет всемогущему духу, то, когда, по провидению, в летний месяц мир узнает великую войну народов, Мачиль лоз отнимет молодого мужа у твоей дочери. Отпустит ли его живым дух войны, это им не ведомо. Неотвратимо пророчество злое! Но запомни, отворить пространство можно лишь однажды. Ты знаешь, кому это позволено. Торопись, за сокрытым уже идут...»

Пробудившись от недоброго сна, Атунда долго лежал, совсем не желая выходить из яранги, чтобы встретить солнце. Его мысли, как быстроногие олени, унеслись далеко. Там, где были они, он не был вот уже больше трех зим. Теперь весна, она принесла счастье его дочери Анчике и Онеге. «Почему духи послали ему такое недоброе видение – знак беды, который он распознал и иначе его толковать не может?...» - Шаман думал долго, потом поднялся и вышел на воздух. Ветром окутало загорелое лицо Атунды, согрело теплыми потоками, исходящими от неба, радостного и голубого, а на нем солнце, как лицо Анчики, лучившее свет и радость. Дочь уже давно встретила утро, дала поспать отцу, долго думавшему о чем-то своем – побаловала старика. То там, то здесь слышна песня косача, а девушка уже в делах; сюда бежит, туда бежит – всюду поспевает. Соболь по закрайке бора прошмыгнул, мелькнул и исчез. Так и она, молодая хозяйка стана, а муж с оленями далеко уже, по темну еще ушел – забота...

- Присядь дочь, есть что сказать тебе, - обратился Атунда.

Анчика тут же подошла, отложив суету на после - отец звал.

- В тайгу нам с тобой идти велено, помочь надо духу Чалгая. Видение было. Предки в образе личины говорят; нет ему покоя в «мире мертвых». У Лиственного дерева он тишину капища потревожил, таинственную Ель из «нижнего мира» к помощи призвал, а мы духов после шибко обидели: ушли, не прибрав за собой. Белого человека сгубили. Дух Кызы гулять вышел, не к добру его озабоченность. – Атунда закурил трубку, выпустил дым на сторону. - К ночи костер у яранги сложить нужно, камлать буду, просить буду. Нам с тобой, жертвенный талисман отыскать пора пришла. Тот, что Варвара в болото бросила. Пусть духи укажут путь в ночи; он лишь в темноте слабым светом лучит, себя метит, иначе не найти.

- Я помогу тебе, отец, - без колебаний согласилась Анчика.

- Места там гиблые, топкие, Уткыль лоз редко кого к себе близко пускает. Луна в ночи нам поможет, приведет к месту. Спрошу духов, когда к личине идти, без дозволения к охра-

нителю покоя тех мест, нельзя: дочь у него настойчивая, хочет сердце мое взять, шибко близко привяжется, если ты идола не отыщешь. Пока сундук Белого военного у таинственной Ели не заберем, не будет духу Чалгая успокоения. Без намоленного камня никак не обойтись.

Атунда задумался, а дочь сидела рядом и слушала его молчание. Она отчетливо угадывала в нем тревожный настрой озабоченного отца.

- Если сумеем без Варвары тот сундук выволить, - продолжил шаман, - то и страдания Чалгая облегчим. Онега за оленями посмотрит, а воротимся, в нашем бору, у чистого родника место знаю; там добро белых людей хранить станем. Пусть после Варвара решает, где ему место. Если духи не пустят к Ели, то твоя подруга, тебе ее и искать в большом городе. Ты всегда хотела с ней встречи...

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОГДА БОЛИТ СЕРДЦЕ

«Что же такое, как же?.. Опять это золото себе жертву метит; все-то ему мало... Приедет Бельский, пусть забирает все до последнего, себе не оставлю. Будь проклят этот металл со всеми его алчными повадками, с бедой и болью, что рядом с ним, с блеском никчемного соблазна и власти над глупыми людьми!..» - не мог успокоиться взволнованный Степан, стараясь гнать лошадь, и особо не трясти на ухабах. Тревога в душу вошла, дрожью в сильных руках отзываясь.

Александра находилась без памяти и за всю дорогу он не услышал от дочери даже стоны, способного вынудить с силой хлестать коня вновь и вновь, только бы поскорее домчаться до больницы. Он хорошо знал, куда едет, поэтому выбирал самый короткий и проездной путь. Суэта в травматическом пункте случалась редко. И когда Степан вбежал в помещение, по выражению его лица дежурный врач понял без слов, что случилась беда и требуется неотложная помощь. Раненую девушку быстро занесли в хирургическую комнату и, плотно прикрыв дверь, не разрешили присутствовать отцу. Он лишь наскоро объяснил доктору причину травмы позвоночника и в полном расстройстве чувств остался ждать результатов осмотра.

Нетерпение – это состояние, когда ничто не способно остановить или сдержать порыв тревожных эмоций, в стремлении помочь близкому человеку хоть чем-то, пусть даже обычным присутствием рядом. Степана бросало в дрожь и ничего не видя перед собой, с всклокоченным сознанием, он стонал всем сердцем, сосредоточенно глядя в пустое пространство перед собой. Мир перевернулся, стал иным; колким, едким, пустым и ненужным без ощущения дочери перед собой, здоровой и живой, какой он только и мог ее представить. Терпеть, слыша и чувствуя ее страдания, как свою собственную боль, было невыносимо, и он кружил в коридоре растревоженной птицей, не зная к какой стене прислониться и что убрать со своего пути, чтобы только услышать обнадеживающее заключение врача.

- Вы кем приходитеесь этой девушке? – как-то неуклюже и странно спросил доктор, выйдя в коридор, где кроме Степана не было никого постороннего.

- Как, кем?.. Ну отец конечно!.. С охоты мы утром возвращались и вот случилась эта беда. Что с ней, доктор, я могу ее видеть? Как она, что со спиной? – отец с надежной искал утешения во взгляде дежурного врача.

- Ну, всякое бывает. Вы успокойтесь. Ваша дочь пришла в сознание, ее перевязали и она останется здесь. Пока во всяком случае, а там будет видно.

- Что значит видно? – не отставал Степан настойчиво давая понять, что желает знать все о состоянии своей дочери.

- У вашей дочери серьезная травма позвоночника. Она потеряла много крови, но это не самое важное, сейчас делается перевязка. Есть очевидные симптомы отсутствия чувствительности в ногах и именно это меня больше всего тревожит. Ей нельзя двигаться и поэтому лучше, если вы приедете завтра; будут готовы результаты обследования, и мы сможем сделать какие-то выводы относительно лечения. Тогда и поговорим с вами более обстоятельно о сроках ее пребывания в больнице. Не волнуйтесь, наши санитары сделают все необходимое. А сейчас возвращайтесь домой и я жду вас завтра, до свидания, - доктор ушел, а Степан, парализованный известием, остался стоять в раздумье, совершенно не зная, куда и зачем идти.

Домой ехать не хотелось, да и что он скажет Марии, зачем терзать неведением ее материнское сердце. «Завтра к врачу, - рассуждал Степан, - поэтому не лучше ли будет переноче-

вать у вдовы друга. Неужто не пустит, старое припомнит. Да нет, не станет; обидой беду не попрекают...»

Отболела давняя злоба у Дарьи, приняла гостя, у порога стоять не оставила, Петром более не попрекнула; к чему былое беречь. А вот за Сашку душа болеть стала, говорили до ночи о дочери и о злодейке судьбе, столкнувшей ее с таким лихом. Винил себя отец, места не находил. Словно все в его жизни – ничто, в сравнении с терзанием, выпавшим на долю Александры. Такая боль сердце саднила, что Степан и сам о погибшем своем друге заговорил.

- Прогневил я Господа, Дарья: по делом он меня и карает. Нацеплял грехов по жизни, что тех блох, поди разъясни кому, откуда взялись? Видать, и Петра твоего простить не может. От ведь Бог; ты - жена его, меня ирода простила, а вот он никак оскользнуться не позволяет, забыть не может, душу тянет, - навернулись на глаза Степана слезы, так и колышет в них пламя от лучины, болью сердце жжет. - Лучше бы меня в ту яму ткнул, долгам в уплату. Ан нет, он все более над невинными, чтобы нам, падшим, больнее было. Учит все людей неразумных, указывает, а мы творим, страха не ведая. Раскаяния от нас ждет!.. Да я на коленях перед ним валяться буду, денно и ночью, только бы Александру не губил, дал ей жить!..

Оно и Дарья со всхлипом, но все же с надеждой на Степана глядит:

- А ты молись, отец, ответит Господь беду-то, глядь и Сашка на поправку пойдет. Не убивайся так Степан, лица на тебе нет. Выпей вон еще рюмку, да спать ложись. Утро на место все поставит, чего Всевышнего лихом понукать.

Уложила Дарья Степана, а сама к иконе; лампадка лик Богородицы освещает, а женщина с болью в сердце глядит в бездонную глубину ее глаз и души людей словно виднее становятся; то ли болью просветленные, то ли мольбой, в незримой надежде на покаяние и прощение.

- Смилуйся, Господи, над невинной, чистой душой, над чадом твоим. Отведи стороной напасть, излечи раны судьбою даденные, ибо все во власти твоей, Боже, и наше, и твое; все едино... - молила женщина тихо и смиренно, уповая на милость господнюю, что нисходит от небес.

Поздним вечером, в томительном ожидании не вернувшихся из тайги домочадцев, Мария отправилась к соседке, поделиться опасениями да совет услышать; почитай уж вторую ночь муж с дочерью в лесу: «Не перестарался бы Степан, Сашку, по своему подобию, в девку-таежницу обращать. Баба все же из нее выйти должна, а не охотник с ружьем наперевес», - с такими мыслями и пошла. Ступила в крошечную темень двора, а в лицо тревога так и дышит, обдала прохладой, защемило сердце матери, а липкие мысли так и льнут; не отвязаться от них без пересуда, как тут не пойти. А Любаша все со стряпней колготится, словно семеро по лавкам ложками стучат. Есть, что к вечернему чаю на стол поставить, чтобы языки почесать да назойливую сельскую скуку развеять. Тоску то уняли, а вот тревогу в души навеяли еще большую. Волнуется Мария, где Степана с дочкой носит? Где искать, знать не знает; одно ясно – в тайге, а та вон, на все четыре стороны иди, мимо не пройдешь. Шанежка за шанежкой - чайник уж пуст, и голова без мыслей. Воротилась мать с тревогой, словно у соседки и не была вовсе. Осталось одно - утра дожидаться.

Потревожили ее стуком в двери, когда солнце занялось. Думала, непременно Степан с Сашкой, кому еще быть? А там гости нежданные спозаранок. Пригласила в дом, а те все с расспросами, про хозяйство да про мужа пытаются; где он, да занят чем, дескать дела к нему у представителей из района имеются. Пристали с описью живности на подворье, да налогом в недостаточной степени колхозу выплаченным. Пришлось Марье гостям все свое хозяйство показывать. Жалели гости, что супруга не застали, извинились за беспокойство и ушли себе. Долго после думала Мария, зачем приходил незнакомые ей люди, что искали? Знала, не колхозное то руководство, да и Степан всегда исправно хозяйство вел, ни о каких долгах и речь в семье не велась. Ничего не надумала: отмахнулась от забот, что пришлые люди в дом принесли, иное беспокойство одолевало.

Воротился Степан домой лишь к вечеру. Александра осталась в больнице; со слов доктора, она нуждалась в обязательном покое и лечении. Серьезная травма позвоночника требовала госпитализации в специальную клинику, не масштаба районного травматического пункта. Врач предполагал перевезти больную даже не в областной центр, где хоть и имелись больницы, но на такого рода травмах они не специализировались. Отправлять больную необходимо по возможности в Новосибирск, где открыта совсем новая, вот уже два года успешно работающая областная спецбольница, которая начала принимать раненых, поступивших с территории Монголии, после военных событий на реке Халхин-Гол и озере Хасан. Слышал Степан о том столкновении, да вот только особо не вникал.

Доктор беспокоился прежде всего о здоровье больной, как ему и положено, которую не в коем случае нельзя транспортировать на имеющемся в наличии гужевом транспорте; и без того папаша растряс, пока до медпункта добирался. Александре покой нужен, а не езда по бездорожью. Вопрос стоял остро, но Сибирские просторы лошадиным шагом мерить, дело безнадежное и опасное. Вот если бы пароходом? Только редко они ходят по Оби, ждать неведомо сколько придется. Оно и врач считал самой важной проблемой, при лечении сложных травм, нехватку, или полное отсутствие необходимых лекарств, которые в Колпашевский травматический пункт почти не поступали. К тому же требовалось время на согласование тяжелого случая с Новосибирской больницей. И, как выразился врач, Степану самому предстоит решать вопросы дефицита лекарственных средств.

- Могу вам не по секрету сказать, что в нашей стране только еще начинают организовываться хозрасчетные учреждения в здравоохранении, но заметьте далеко не в нашей глубинке, а для квалифицированного лечения вашей дочери необходимы значительные средства. Нехватка лекарств существенно усугубляет положение. Если вы возьмете на себя потребные в будущем расходы, то я бы советовал вам не тревожить дочь невыносимыми и вредными для ее здоровья переездами, а позаботиться о лекарствах. Мы бы и здесь могли поддержать ее организм, но финансовые проблемы и транспортировку, нам не решить так скоро. Говорить о полном выздоровлении я сейчас не берусь, требуется тщательное обследование, но в условиях нашего травматического пункта, это сделать невозможно. Мы согласуем вопрос с пристанью и если в ближайшую неделю или две будет пароход, то я бы советовал вам все же отправить дочь на лечение в Новосибирск. В противном случае она может не встать с кровати и за ней будет необходим постоянный уход на дому.

Степан хорошо понимал, что транспортировка дочери в далекий Новосибирск хоть и хлопотна, но возможна; пароходы по реке ходят редко, речники работают не по графику, а скорее сезонно, да и одному, без помощников, быстро не управиться. А Сашке срочная помощь необходима. Надо было что-то решать: «Лекарство в большом городе легче искать, а если без них никуда, то стало быть пора в дорогу собираться...» - Ломал голову Степан, но выхода не находил.

- Вы мне, доктор, только посоветуйте, что искать и где, а там уж я разберусь, сделаю все, что скажете.

Врач взял чистый тетрадный листок и стал что-то долго и тщательно писать. Затем протянул его Степану со словами:

- Здесь фамилия моего хорошего знакомого в Томске, и перечень крайне необходимых медикаментов; думаю он мог бы на первое время помочь, если вы обратитесь к нему от моего имени. Здесь написано по какому адресу его найти. Остальное зависит от вас. Однако это будет стоить больших денег, но затягивать с применением лекарственных препаратов никак нельзя. А за время пока вы обернетесь, я постараюсь прояснить возможность транспортировки вашей дочери в Новосибирскую клинику, опять же только с вашего согласия, сами понимаете, с какими расходами и проблемами предстоит столкнуться.

Вопрос, связанный с возможной оплатой лечения Александры, не стоял; Степан готов был потратить все золото Бельского, только бы его дочь встала на ноги и была вновь здорова. Разумеется, он никогда не вел разговоры со своей супругой о тех средствах, которыми по воле судьбы располагал, считая до поры золотые запасы не своими: «Не к чему бабе такое знать; для нее – это бомба, которая всегда может рвануть по ее же недоразумению». Однако в Томск предстояло отправляться срочно, чтобы осторожно обменять часть монет на деньги, с ними проще будет обращаться, главное, чтобы они пошли на пользу. Степан сосредоточенно думал о предстоящей долгой отлучке от своего хозяйства для осторожного и ответственного дела, на которое он положит все умение скрытного человека. Вовсе не собираясь тревожить неприкосновенные запасы поручика Бельского, рачительный крестьянин рассчитывал на свое, дарованное ему золото, которого с лихвой хватит и, ничуть не опасаясь неожиданного появления недоброжелателей, Степан спешил взяться за обращение царских червонцев в купюры Советского образца.

Переполошилась Мария, да по бабы - в слезы... По первой, с укором набросилась, выговаривать стала за недогляд отца. А после сникла и с вопросом к мужу: «Что делать-то!.. К кому с бедой жалиться бежать?» Бабе сочувствие, что витамин, а Степану главное, чтобы в дела его не совалась, сам управится, о том и сказал: «За хозяйством гляди, Мария, а мне Сашкиным здоровьем всерьез заняться пора пришла – отец ведь я, и дочь для меня важнее всей прочей суеты будет!»

- Сбирайся мать на завтра в Колпашево, к дочери. Воротишься сама на бричке, а мне в область надо, срочные дела порешать. На лечение Александры большие деньги понадобятся. А ты лишнего среди баб не звони; хоть шило не утаить, но все же пусть оно до поры в мешке побудет.

Мария знала; Степан если возьмется – сделает, сомнения у нее не было, вот только боль в сердце пришла и никак не унимается, раньше не было, а тут вот раз и защемило, так и горит грудь огнем, а жалиться ей к чему, у мужа, вон, та же печаль, пойди ее уйми?.. Неуемная то боль, когда живая любовь поранена и место не находится для покоя и сон, не сон, а плач один. Упомянула было о странных людях из района, что по его душу приезжали. Отмахнулся Степан:

- Говорить не о чем!.. Ходят тут, соглядатаи; кукиш в рот не положить, все приметят. Землемеры ли, скотоводы, счетоводы; все бы им костями на счетах греметь, хозяева новой жизни!..

Вышел Степан на подворье, да к бричке по привычке подошел. Глядь, а под соломой мешок, тот самый, виднеется. Напрочь о золоте забыл, собирался же отнести, да в схрон обратно положить, рядом со слитками Бельского, что с «Петровой норы» привез. Все как-то время не находилось свое от чужого отделить, а с бедой совсем не до него оказалось, так и провалился неприметно мешок, не потерялся в суматошной дороге. Нежданное счастье могло золотым дождем на голову случайному проходивцу свалиться. Однако же нет; золото только к нему и липнет, не отвязаться от него и даже, вон - не потерять, удивлялся Степан. Оно совсем кстати теперь оказалось, не надо лишний раз в тайгу возвращаться. Решил припрятать его под половицами в бане, тяжелой лавкой придавленные, те только для просушки и поднимались, некому кроме него там шарить, заодно и сверток карты, что по забывчивости во внутреннем кармане сюртука мялся, в тот же мешок с монетами положил.

Сунул Степан в кошель пять червонцев, чтобы четыре на деньги обменять, а один в дороге при себе иметь, для показа, ежели кому интерес выйдет убедиться в подлинности редкой монеты, которые по нынешним временам, почитай только у него и водились, да призадумался. С хитрецей старый партизан, не один раз уж в ладошке Царский червонец грел, знал ему рыночную цену у скупщиков и, со скидочкой, что в ломбардах брали. Решил и там, и там пробовать. Осторожность, она во всем нужна, а следок за собой Степан всегда мести умел. И за словом в карман не лез, чтобы расспросами не донимали. Интерес к такому товару у торгового

люда всегда имелся, только вот в прежние времена вокруг его жандармерия шибко не шастала, золотые монеты в обороте были, а сколько у кого имелось, так-то – личное. А личное, при Царе больше уважалось.

Простился Степан с Марией у больницы, велел супруге побыть у дочери, сколько сможет, а сам к пристани отправился; будет лодка или нет, а на левый берег край надо перебраться, может и согласится кто переправить; там дорога до Томска. На удачу и попутчики подвернутся, три сотни верст ногами не мерить. Глядишь и до Томска добраться есть шанс, а там уж и за дело браться легче.

На рынке людно, каждый торговец свой интерес кажет, а тех, которые с карманом, сразу видно; на их физиономиях совсем иной интерес намалеван. То не продавцы, то скупщики. Да поди же до старшего достучись; в суете-то все более наводчики да по блатному выражаясь «шестерки» разного пошибу. Интерес к обмену выказал, так сразу любопытствующие и нашлись, до барыги сопроводили, что поблизости терся для случая. Народ деловой, сразу к делу; как тут залетного фраерка на монеты не прокрутить. Вмиг велели карманы вывернуть. Но только вот, Степана на гоп стопе и шмоне не подловить, он четверку монет еще до визита на рынок в укромном месте спрятал, а с собой, для обмена только одну и взял. Кто же «Банк» при себе носит. Вывернул карманы перед главным, а там кроме штопаных дыр, только ветер. А как на деньгах сошлись, то Степану еще полдня по базарчику без особого дела бродить пришлось; от хвоста запросто не отделаться, его убедить надо, что напрасное это времяпровождение – за «пустышкой» ходить. Отстали к обедне. Степан с рынка в город ушел, покружил еще часик у старых катакомб, что при набережной в руинах стояли, и за дело. Отыскал тайное место, упрятал в нем полученные от барыги деньги, забрал очередной червонец, да в ломбард, о ценах на золото справиться. Осторожничал Степан; три монеты трогать не стал, вырученных денег за два червонца должно было хватить с лихвой, к чему лишние с собой носить, с пустым карманом по городу легче ходить, а одну небольшую монетку и в башмаке упрятать можно.

С давних времен в подобных заведениях интерес к клиенту проявляли всегда и без исключения. Спрос на ходовой товар был, но цены под самыми разными предложениями занижались сильно. Однако и в госучреждениях подобного рода, торговаться приходилось почти так же искусно, как и на рынках. Все бы ничего, Степан и это умел делать, но одного он не предвидел; ломбарды при новом режиме, с аббревиатурой «ГОС.ТРУДЛОМ.СССР» значительно отличались от прежних, с какими приходилось сталкиваться в период нэпманской неразберихи. Их работники, по сути, себе не принадлежали, будучи под постоянным незримым контролем со стороны органов безопасности. Такого рода их деятельность несомненно поощрялась, перевоплощаясь в откровенное доноительство. После предъявления Степаном очередного червонца для обмена на денежный эквивалент, служащий удалился в соседнюю комнату, якобы для проверки подлинности монеты, содержащей золото высшей пробы. Вернулся скоро, однако в сопровождении гражданина, предложившего незадачливому крестьянину пройти с ним в соседнюю комнату, где стоял черный телефон, с которого, ничего не разьясняя озадачившемся Степану, он принялся куда-то звонить, требуя прислать автомобиль для доставки задержанного гражданина в отделение милиции для разбирательства.

Выступившая на лбу Степана испарина, долго не проходила, не давая ему возможности прийти в себя и начать возражать: «Ему никак нельзя быть арестованным. В больнице дожидается помощи его больная дочь, а он сидит здесь на скамье, задержанный за хранение золотого червонца, смутного по мнению работников милиции, происхождения». Однако даже выразив свой протест, ему не удалось убедить неразговорчивого сотрудника в непонимании такого с ним обращения. Как не протестовал бывший партизан, а ехать пришлось.

В отделении было суетно и душно. Хотелось дышать полной грудью, но тревожный факт обнаружения монеты вынуждал сердце Степана колотиться сильнее, потребляя при этом

гораздо больше кислорода, чем его имелось в тесном помещении для арестантов. Изложив в письменной форме все обстоятельства происхождения золотой монеты, Степану пришлось еще долго ждать в предварительной камере решения его вопроса. День близился к концу и оставаться на ночлег в заведении для уголовников и бандитов у Степана не было никакого желания. Он стал усиленно тарабанить в дверь, чтобы его наконец-то выслушали.

- Вам, что не ясно сказали!.. Ждите!.. Освободится сотрудник, вызовут...

- Да не могу я ждать, товарищ, - пытался возразить Степан, - у меня дочь в больнице. Ей моя помощь нужна, я ведь объяснял уже, а меня здесь держат. Мне еще до Колпашево неведомо сколько добираться. Скажите там, чтобы поскорее вопрос решали.

Не скоро пригласили арестованного жителя села Новоселово. Следователь ему объявил, что на завтра с утра в его доме будет произведен обыск на предмет обнаружения ценностей и если подозрение не подтвердится, то его отпустят под подписку до выяснения прочих обстоятельств. Заодно и проверят факт нахождения его дочери в медицинском учреждении. И об ответственности за дачу ложных показаний предупредили. Ну, словом, все как при настоящем аресте. А до того времени, сказали, придется побыть в камере для задержанных. Никакие возражения не принимались, а в случае неповиновения Степану пригрозили карцером и задержанием на еще больший срок. Вынужден был смириться Степан и, с волнением размышляя об обыске, совсем затосковал: «Надо же было так глупо попасться. Что, если тайник под половицами в бане найдут, там ведь не одна монета, там Царское золото, за которое долгого срока наказания точно не миновать, ежели и вовсе не замордуют выяснением причин его происхождения, а то и кончат за укрывательство. Мало золото, там еще и карта тайника, что в «Петровой норе». Вот незадача, ежели найдут?.. Но, нет; я еще повожу кое-кого за нос, - уверял и успокаивал себя Степан. - Он справится, он должен быть рядом с Александрой, ради ее покоя и выздоровления, остальное не важно».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗВЕЗДЫ НА КРЫЛЬЯХ

Удивительно приятное, ни с чем не сравнимое знакомство с Варварой, за время необычайно бурных летних каникул, насыщенных незабываемыми таежными приключениями, оставило в душе Андрея странное, до поры неведомое, волнительное чувство. Хотелось петь, когда нет голоса, танцевать, совсем ничего не смысля в танце, даже играть на скрипке, не зная нот и инструмента, смотреть и чувствовать мир, внезапно окрасившимся тонами иных, милых сердцу красок. Все ему было подвластно и это осознание могучего прилива сил, охватывало и поражало Андрея, походило на вдохновение художника, когда можно днями напролет творить осязаемое чудо. Вместе, они погружались в свой, ведомый только двоим мир несравненных ощущений, красот и влечений, который манил и уводил за собой. Их переполняло трепетное желание, никогда и ни за что не расставаться, даже по вынужденной необходимости. Хотя каждый понимал – так надо, так угодно судьбе, но это временно. Андрея ждала учеба и небо, к которому неудержимо влекло с такой же волшебной силой, как и к юной Варваре, к ее изумительному, бездонному взгляду, таившему в себе загадку, не разгадать которую он будет не в силах. От первых признаний, нахлынувших внезапной бурей эмоций, спрятаться невозможно, а таить волнения в душе, оставляя невысказанным самое важное, невыносимо томительно и трудно. Прощаясь на перроне Казанского вокзала, Андрей с волнением, впервые произнес слова любви, зная и понимая, что это признание объединит их души навсегда. Счастливо улыбавшаяся Варвара готова была парить белокрылой чайкой в небесах, чувствуя себя свободной и защищенной рядом с Андреем, который непременно скоро станет настоящим летчиком и приедет в ее родной город, чтобы с трепетом обнять, и после долгой разлуки, вновь произнести чарующе нежные слова. А она будет преданно ждать его приезда.

Андрей возвратился в Новосибирск, где продолжил учебу, мечтая стать пилотом, с искренним чувством храня воспоминания минувшего, чудного лета. Под внимательной опекой матери, Варваре еще только предстояло определиться с мечтой. Андрея удивило ее новое, казавшееся странным, желание - стать врачом. В этом, на первый взгляд ненавязчивом решении, все ее устремления поддерживала и Софья, хотя считала свою дочь более приверженной к искусству. Почему выбор пал на столь необычную для ее характера профессию, она не могла понять. Варвара однажды и навсегда коротко ответила - этого просит душа. И действительно, мать стала невольно замечать неподдельный, взявшийся из ниоткуда, интерес к медицине. Появились новые книги, поменялись герои и краски, фоны и тона на полотнах. Изменилась глубина восприятия и отношения к окружавшему ее ранее миру. В пространство Варвары вторглись новые идеи, которые она с увлечением продолжала воплощать в картинах; в них стали присутствовать, подобно тонким незримым паутинкам, нотки задумчивой грустной печали, вперемешку с неотвратимой жаждой жизни, самоутверждением и особым, не имеющим ответа, вопросом, таившемся в раскосом взгляде ее героини. Она гармонично и ровно вписывалась в пейзажи таинственной Ели, которая с некоторых пор жила в радужных грезах своего творца. Порой удивляясь, но принимая всерьез мир глубоких фантазий дочери, Софья была рада таившейся в ее океанической бездне души, незримого и, в тоже время, осязаемого и проникновенного чувства любви к окружавшей ее необозримой Вселенной. Поэтому, глубоко уважая особое видение дочери, мать ничуть не сомневалась в правильности выбора профессии. Пришло время и его даровала судьба...

Пытаясь, подобно Варваре, неуклонно следовать своим убеждениям, Софья, не без труда, но все же сумела восстановить свою деятельность; ее вернули в лоно роскошных залов Эрмитажа, где она старалась забыть прошлую, тяготившую тяжелыми воспоминаниями, жизнь. Стрательная Циля, настолько крепко и всецело слилась с заботами и чаяниями семьи, что все считали ее родной и ни в чем не заменимой. Старый Исай, поддерживающий Цилю в ее трудных заботах, предпочел все же жить в своей квартире, хотя и ему постоянно требовалась помощь все успевающей родственницы. Время нашло и определило для каждого свое место, в котором предстояло обрести себя, неуклонно следуя к грядущим целям.

Стремление стать летчиком, асом, невероятно усиленное любовью к Варваре, подобно рвущимся ввысь брызгам фонтана заполонило душу Андрея. Он хорошо понимал, что его будущая профессия сугубо военная и, пройдя подготовку в аэроклубе Осоавиахима, ему необходимо будет продолжить обучение в школе ВВС тем более, что молодых ребят, умеющих обращаться с оружием, знающих основы тактики и топографии брали с большим желанием. Он не мыслил жизнь без неба и, полностью посвятив себя освоению и совершенствованию мастерства пилотирования, устремился к просторам мечты, открывая перед собой перспективу стать отличным летчиком-испытателем. Ему страстно хотелось летать на новых, неосвоенных им машинах, искать среди них лучшую и словно сроднившись с ней, достигать необычайных вершин, обретая умение и опыт. Шло время нелегких преодолений. Летать на преобладавших всюду самолетах У - 2, казалось скучным занятием, а общепризнанный истребитель И - 16, хоть и нравился Андрею, но желание несравненного риска влекло ввысь, в отрыв от земли на недостигаемо большие высоты, чем медленные бреющие полеты над поверхностью лесов и полей. Увлекала скорость, манила и звала заоблачная непостижимая даль и высота. Мерещились красные звезды на крыльях будущего истребителя, на котором он непременно побьет все мыслимые рекорды, станет мастером своего любимого дела. А уходя в небо, будет всегда помнить, что его ждет земля; чудесная планета, где живет любимая девушка по имени Варвара, и которая совсем скоро станет его женой. Душу переполняла радость, хотелось петь, даже если Варвара далеко и не слышит. Но, если они любят, то песня грядущего счастья должна быть слышна обоим...

На развитие отечественной авиации правительством выделялись значительные средства, создание новой авиатехники осуществлялось очень быстрыми темпами, росло мужество и преданность своему долгу летчиков-испытателей, поэтому за сравнительно короткий срок, страна сумела достичь значительного прогресса в развитии самолетостроения. Авиационная промышленность, за годы обучения Андрея, стала всенародным детищем и делом государственной важности. Гордость за Родину переполняла душу летчика. Выпуск боевых машин увеличился и новые самолеты ЛаГГ - 3, материальную базу которых молодой пилот уже хорошо знал, начали производить как в Новосибирске, так и в Ленинграде. Поэтому, попав на Сто пятьдесят третий завод в качестве хорошо зарекомендовавшего себя еще в училище, перспективного летчика, Андрей оставался в Новосибирске, лелея мечту вскоре перевестись в Ленинград, где его с великим терпением ждала Варвара, получившая за это время медицинское образование и начавшая работать практикующим врачом. Она грезилась приездом Андрея и приходом долгожданного семейного счастья. В доме говорили о будущей свадьбе и дивясь неудержимости взаимных чувств молодой пары, Софья готова была поделиться своей радостью с Олегом, который предпочел не возвращаться в Новосибирск, а приведя в порядок старый дом, обосноваться в Тобольске. Так было удобнее для всех. Олегу нравилась Софья, как любящая мать и красивая женщина, но прошлое тяготило непреодолимостью свершившихся изменений в его семейной жизни, и внутренняя боль утрат саднила сердце. Рухнули надежды, к которым он шел долгие годы. И сейчас, он жил одной большой мечтой; видеть успехи Андрея и радоваться счастьем сына, становлению его мужского характера, с учетом той доли доброты, какую он успел передать.

Размеренная жизнь в Тобольске, чем-то была приятна Олегу. Он, конечно, мог бы устроиться поближе к сыну, но уважая его нескрываемые чувства к Варваре, старался быть благодарным Софье, предложившей ему столь мудрое решение тяготивших его вопросов. Занимаясь заботой по дому, он сумел также отыскать работу на пристани, где постоянно испытывали нужду в умелых людях. Платили немного, потому и конкурентов на такого рода деятельность находилось мало. Постепенно к новому работнику привыкли, стали доверять и, чувствуя редкую надежность, то и дело хвалили. Подремонтировав и утеплив ветхое строение, Олегу даже в лютую зиму жилось тепло и уютно. И слыша, порой, благодарные слова Софьи, за помощь и заботу о памятном, дорогом и родном ей доме, Олегу становилось приятно от осознания причастности и помощи близким людям. Софья не раз приглашала отца Андрея в гости, а когда речь зашла о предстоящей свадьбе их детей, то вообще завела речь о Екатерине; должна же она побывать на свадьбе родного сына. Только однажды Олег приезжал в Новосибирск, чтобы поздравить Андрея с окончанием летнего училища.

Тогда он встретился с Екатериной, матерью Андрея, в доме на все той же улице Чехова, только вот жизнь ее сильно изменилась. Муж, бывший железнодорожник, был много старше ее и рано, по инвалидности сел дома, незаметно для нее запил и полностью переложил заботу о себе на плечи супруги. Екатерине было трудно, но сын помогал матери сводить концы с концами. Поучительные разговоры на отчима не действовали и сочувствуя ее положению, Андрей не находил общего языка с чужим ему человеком, при каждом посещении дома раздражая его травмированную психику все больше. Чем, подобные отношения способны были закончиться, Андрею тогда и в голову не могло прийти. Одно он знал твердо; отчим, это человек, который умеет хранить злобу и при случае его месть могла навредить не только ему лично. Однажды он даже сказал: «И чего это твой отец под чужой фамилией ходит; аль натворил много? Всю жизнь носа не казал, а объявился, так с властью в прятки играть. Смотри доиграется, папаша...» - Андрей оставил его реплику без внимания, скорее от желания не делиться с отчимом важным, чем из осторожности.

К истечению майских дней ударили легкие холода, распустила белые полноцветные гроздь черемуха, удивительным ароматом наполняя душу, ожившую от обилия весенних запахов и красок. Купив два билета до Москвы на железнодорожном вокзале, Андрей заехал на улицу Чехова, к матери. Екатерина оказалась дома одна и обрадованный тем, что не придется с утра ощущать неприятный осадок от контакта с отчимом, сын, обняв мать, выложил перед ее удивленным взглядом, два билета на стол.

- Дорогая мама, я скоро женюсь, и очень хочу, чтобы в этот день ты была с нами. В Москве нас встретит моя будущая жена и я наконец-то познакомлю вас, а кроме того, покажу прекрасный город, в котором нам предстоит жить; я получил перевод и мне осталось лишь оформить документы. Свадьба в начале июня, и мы навсегда запоем этот счастливый одна тысяча девятьсот сорок первый год. Я уверен, он станет памятной вехой для всех нас. Андрей восторженно делился предстоящим предвкушением счастливой поры. - Мама, меня ждут красивые звезды на крыльях, и ты скоро станешь тому очевидицей!.. Я поздравляю тебя! Послезавтра мы отъезжаем, - радостно улыбаясь, Андрей устремил искрометный взгляд на слегка опешившую мать.

- Я очень горжусь тобой, сынок, ты достиг всего что считал важным в своей жизни. Мы знали и были уверены, что ты осуществишь свою мечту, но меня всегда тревожила одна мысль: когда-нибудь и нам придется расстаться. Ты стал совсем взрослым, у тебя своя жизнь. - Екатерина глубоко вздохнула, улыбнувшись грустной улыбкой.

- Я рада, сын, что у тебя есть Варвара и вы скоро будете вместе. Пусть так будет всегда, а я стану молиться за вас. Ты прости меня, но поехать не получится. За Семеном нужен уход и одного я его оставить не могу. Пусть твой отец представляет на свадьбе нас обоих. Вы ведь приедете ко мне позже? И тогда я обниму твою жену и благословлю вас. А пока прими мои

поздравления. Ты стал мужчина, летчик, офицер, как и твой отец. Никогда не забывай об этом, чти и уважай его всегда. Теперь вот и жить будешь в славном и красивом городе, с богатой историей. Я желаю вам счастья; любите друг друга и никогда не расставайтесь; да хранит вас Бог. Я с нетерпением буду ждать, ведь лето только в разгаре и наверняка у вас найдется время провести мать.

Андрей простился, пообещав навестить мать вместе с Варварой, как только появится такая возможность, совсем не рассчитывая, что эта последняя встреча с матерью, навсегда останется в его грезах...

После обычного трудового дня, отдыхая за вечерним чаем, в двери Олега постучал припозднившийся почтальон и вручил телеграмму. Она была от сына из Новосибирска. Андрей приглашал отца на свадьбу и просил приехать в Москву к назначенному времени: хотелось, встретившись с Варварой, а после, всем вместе, отправиться в Ленинград. Из сообщения Олег не понял; приедет ли мать, ведь он обещал Софье, что Екатерина обязательно будет среди немногочисленных гостей, ведь это свадьба ее сына. С раннего утра предстояло взять непродолжительный отпуск и сразу же в дорогу. Хотелось опередить Андрея, чтобы, побродив по Москве, определиться с подарком для молодых.

«Ну, что же, значит так угодно судьбе...» - разочарованно, не без заметной грусти подумалось Олегу, когда при встрече на перроне, он увидел, что Екатерины нет.

- Мама не смогла, за Семеном нужен уход. Мне жаль, что не удалось уговорить ее, - с нескрываемой долей сожаления, Андрей заключил отца в свои объятия, заверяя, что душой она будет рядом со всеми. А после свадьбы, они непременно навестят ее.

Варвара вихрем выпрыгнула из смешанной толпы встречающих, прося прощения за опоздание. Очаровательно улыбаясь, она была весела как никогда. В мгновения переняв инициативу, без умолку щебетала и радовалась встрече. Андрей забыл обо всем, что могло бы вынудить его быть серьезным. Он обнял свою будущую супругу и долго не выпускал из объятий своих мускулистых рук, ничуть не смущаясь присутствию счастливо улыбающегося отца. Их полные нежности прикосновения, находили свое место даже здесь, на перроне вокзала, среди шумного хаоса многолюдья. Плескаясь в мягких, убаюкивающих волнах наслаждения, они словно удались в свой особый, параллельный мир, не замечали присутствия в нем всего земного. А Олег, как никто знал, что скрывает за собой долгая разлука с родным человеком, не дающая успокоения душе, не позволяющая спать ночами, вынуждающая томиться и страдать, ждать и надеяться.

Приготовление к празднику много времени не заняло. После официальной церемонии регистрации все желанные гости собрались в уютной квартире на Малой Посадской улице, где многие уже бывали не раз. Пришел и Игорь Карпатов, которому не все из приглашенных гостей оказались знакомы. В шумной дружеской атмосфере свадебного застолья, Софья представила собравшимся, незнакомого им гостя, как своего давнего друга. Однако Олег, неожиданно отрекомендовавшись Шаповаловым Игнатом Васильевичем, вызвал некоторое замешательство и недоразумение среди собравшихся, никак не ожидавших случайно возникшего напряжения, в то время как обстановка требовала всеобщего доверия и праздничных, дружеских обращений. Представив отца Андрея совсем другим именем, Софья тут же попыталась затушевать свою досадную оплошность.

- Да, да, Игнат, ну разумеется, прости, что я была не внимательна. Я думаю, мы все подружимся за общим столом, в тесном и приятном общении, - своевременная поправка хозяйки торжества, отчасти сгладила возникшее недоразумение, хотя вовсе не осталась незамеченной для Игоря, с внимательной улыбкой и уважением отнесшегося к новым знакомствам.

После непринужденной процедуры общения приглашенных гостей, над просторным и уютным свадебным застольем создалась приятная атмосфера веселья, сменяющаяся то и дело торжественным произнесением тостов в честь изумительно красивой, супружеской пары.

Самым старшим из присутствующих оказался Исай; несмотря на свое недомогание, он все же выглядел аккуратно и почтено улыбался, радуясь представившейся возможности оказаться на свадьбе самой Варвары, которую знал и любил с рождения. Аккуратистка Циля, постаралась придать внешнему виду старика немного помпезности и, отвечая на комплементы, он остался доволен, что гости не обошли его своим чутким вниманием. А когда подошло время сказать свое слово, с неизменной улыбкой Исай произнес:

- Я, старый еврей, только что задумался; кого же я сегодня должен в первую очередь обнять? И вы только подумайте, я понял – Игоря!..

- Исай, ну причем здесь Игорь? – тут же возразила Циля, и гости с изумленными улыбками продолжили смотреть на умудренного опытом жизни еврея, у которого выражение любой мысли всегда имело двойное дно, и самого главного он еще не сказал.

- Ну как же, Циля, это он нас познакомил с Софьей, которая родила Варвару, будущая невеста повстречала Андрея Крупинина и сегодня выходит за него замуж. Так пусть же будут счастливы молодые, благодаря любви которых, счастье вошло в наш дом!..

Своеобразный «заход издалека», только усилил праздничное настроение застолья и под звон бокалов удовольствие свадебного вечера мгновенно распространилось на всех присутствующих. Со временем завязалась непринужденная беседа, и разговоры на самые разные темы были слышны всюду. Внимательному Игорю, вот уже во второй раз, некоторые детали при общении, показались странными, и он посчитал нужным проявить к ним случайный, ненавязчивый интерес.

- Скажите, Игнат Васильевич, - задал он с виду обычный вопрос, отцу жениха, - а почему у Андрея совсем другая фамилия? Я всегда считал, что сыновья очень гордятся ролью продолжателя рода и сохраняют фамилию отца. - Игорь постарался воскресить далекое прошлое и восстановить в подробностях все, что было связано с неким Олегом Крупининым, возможным и вероятным однофамильцем Андрея. К тому же, некоторые сомнения вызывал и тот факт, что Софья в преддверии торжества назвала Игната Олегом, что, согласно их родству, не могло не выглядеть странно.

- Нет, отчего же; такое случается и вполне приемлемо, когда тебя с раннего детства воспитывает совсем не твой отец. Вероятно, моему сыну фамилия отчима пришлась более по душе. – Стараясь как можно убедительнее ответить на непростой вопрос, Игнат Шаповалов предпочел вести себя осторожнее с малознакомым ему гостем.

- Но вы, как настоящий отец, вполне могли бы повлиять на его столь странный выбор. Как я заметил, ваши отношения выглядят достаточно теплыми.

- Увы, Игорь, случается и такое. – Стремясь сменить тему разговора, Олег был немного встревожен внезапно возникшим интересом гостя, и при первой же возможности нашел объяснение с Софьей просто необходимым.

Непринужденная обстановка праздника в сочетании с приятной, легкой музыкой и танцами, позволила наконец и родителям поговорить уединенно. Их озабоченность интересом Игоря к более, чем известной ему фамилии озадачила обоих. Ранее, у Софьи не возникала необходимость, рассказывать своему другу что-либо из жизни и биографии бывшего разведчика, работавшего когда-то по делу, связанному с таинственным исчезновением Сибирских орденов, знающему и разыскивающему именно Олега Крупинина, хранящего тайну встречи с полковником Киселевым в застенках японской тюрьмы. Но сейчас, пришлось это сделать. Олег был крайне обеспокоен возможными последствиями столь неожиданного знакомства. И даже после заверений Софьи, поведавшей Олегу об аресте и тяжелом времени лагерей, выпавших на долю Игоря, бывший пехотный капитан Белогвардейской армии, и человек живущий по поддельным документам, не мог не понять, что перед опытным чекистом он почти расшифровался. И чем дольше он будет оставаться за свадебным столом своего сына, тем вероятность опасного раскрытия станет очевидна. Так и случилось...

Последний луч света в сомнения Игоря пролила Варвара, решив объявить во всеуслышание, прямо за свадебным столом, что старший лейтенант авиации, Андрей Олегович Крупинин, назначен летчиком-испытателем на Ленинградский авиамоторный завод, где разработан и запущен в серию новый истребитель, на котором ее муж будет летать на просторах Балтийского неба. Все гости торжественно принялись поздравлять будущего аса. К поздравлениям присоединился и Игорь, сказав теплые слова в адрес молодого покорителя недосягаемых высот. И вновь бывшему сотруднику, оказавшемуся давно не у дел, прозвучавшее отчество Андрея, напомнило об Олеге. Выходило, что и фамилия, и отчество мужа Варвары вновь растревожили память о человеке, глубоко вплетенном в его судьбу, который наверняка мог оказаться отцом присутствующего за столом летчика. Но кем являлся для него по давним временам Олег Крупинин, Игорь и по прошествии десяти лет не забыл. Именно поэтому, в завершении своих поздравлений, он спросил:

- Софья, может я покажусь немного бестактным, но мне кажется вы должны познакомить меня наконец с Олегом, который явно приходится отцом Андрею. Я понимаю; проигнорировать фамилию подлинного отца еще можно, но пренебречь еще и отчеством – это вряд ли. Так кто же на самом деле, этот таинственный «Мистер - Х», находящийся среди нас?.. Кто он?.. Игнат Васильевич, мне почему-то сдается, что ваше подлинное имя Олег, если вы конечно приходитеесь родным батюшкой жениху, - с улыбкой заключил Игорь, поставив гостей своими неудобными выводами в положение разоблаченных хитрецов.

За столом внезапно возникла тишина. Всем присутствующим стало ясно, что прозорливость и профессиональные качества бывшего разведчика поставили собравшихся гостей в неловкое положение. Через открытые окна, в комнаты квартиры на Малой Посадской проникала живительная свежесть летнего вечера. Она стала необходимой, чтобы охладить пыл и страсти, снять накал повисшего над озадаченными гостями, внезапного вопроса. Как представить загадочного «Мистера – Х» гостям, оголив правду, озвучить ответ на хранившую еще больший интерес, тайну...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Игорь Карпатов возвратился домой уже за полночь. Но лечь спать совсем не хотелось. Будучи под впечатлением особенного праздника, которого в его жизни не случилось, он предпочел расслабиться и, согревая в ладонях рюмку выдержанного, коньяка, ожидавшего своего хозяина целое десятилетие, продолжил размышления над событиями, о которых ему довелось услышать сегодняшним вечером. Растекаясь приятным теплом, осторожно трогая и проникая в глубины ослабленного организма, коньяк, как никогда способствовал возможности всколыхнуть и растормошить завесу затуманенного прошлого. Игорь с новым интересом погрузился в атмосферу тех лет, когда совсем по-иному воспринимались, как сама действительность, так и видение своей судьбы, в стремительном потоке проносившейся мимо, жизни.

После откровенного ответа на его невинный вопрос, течение праздника изменило свою окраску, обрело иное русло. Это заметили все сидящие за дружеским столом. Нет, праздник ничуть не потускнел, а скорее обрел живость и интерес всех собравшихся гостей, среди которых не было тех, кто бы не внес долю своего участия в общую связку исторически важных событий. Игнат, оказавшийся Олегом Крупининым, под бременем случившегося разоблачения, рассказал гостям о своем прошлом, которое было известно не всем, отведя особую роль воспоминаниям об отце Варвары и, о своем теперешнем, легальном положении, в котором во многом был обязан Софье. Очаровательная хозяйка праздника, в свою очередь, поведала об опасной поездке Варвары и сына Олега к шаманам, знакомстве с Атундой и его дочерью Анчикой, о приключениях связанных с таинственным сокрытием Сибирских орденов. Ее удивительный в своем описании рассказ, с исключительным интересом слушали и те, у кого еще сохранились тяжелые воспоминания невероятных, рискованных приключений. И, что оказалось совсем не маловажным для Игоря; он наконец – то впервые услышал об иностранце Нильсе Эдвардсоне, которого ему так и не удалось вычислить, будучи сотрудником спецслужб, идущих по его следу. О его тесной преступной связи с поручиком царской армии, Бельским, оказавшимся предателем в рядах офицеров конвоя, он узнал только сейчас. И совсем не удивительным оказался факт появления иностранца на территории страны под другой фамилией. В продолжении давних историй, Игорь с пристальным вниманием вслушивался в наполненные тревожными и опасными подробностями, события прошлого. А воспоминаниями о «Наследии», которое Николаю Киселеву очень хотелось сохранить и передать своей единственной дочери, о рождении которой он знал, Олег настолько увлек гостей, что одному только старому Исаю пришла в голову мысль; произнести тост за молодых, и вспомнить наконец-то о виновниках торжества, ради которых все сегодня собрались. Открыв шампанское, Игорь попросил слово и, обращаясь к гостям сказал:

- Мне хочется сердечно поздравить сегодняшнюю прекрасную молодую пару с самым счастливым днем в их жизни. Они полюбили друг друга и сумели стать любящими мужем и женой. Я желаю им лишь одного; быть всегда вместе, чтобы никогда не потерять это драгоценное чувство, не позволить разлуке погасить пожар юности, бушующий в их сердцах. Горите ярче, воспламеняйтесь неиссякаемой любовью, делитесь ею с близкими вам людьми! Но за столом, среди нас, присутствуют два человека, которым этого сделать не удалось, несмотря на любовь, пронесенную ими через всю жизнь и сохранившими теплые и глубокие чувства. Я смело и открыто могу сказать здесь о своей любви к Софье, пусть это для многих станет неожиданностью, но я люблю ее и сейчас, - немного смутившаяся Софья, с удивлением и оттенком

тревоги, смотрела на Игоря, столь неожиданно решившегося впасть в совсем неосторожные откровения. – Эта необычная женщина сохранила незабываемое чувство к Николаю Киселеву, отцу Варвары, сберегла его живую любовь в сердце, - Игорь выдержал малую паузу, словно ища нужные слова, и продолжил, - В моем сердце, она осталась звездой, хранящей в вечном сиянии преданность первой и единственной любви. Еще большей любви она заслужила от всех нас. Поэтому я подниму этот бокал за Софью, бережно хранящую память о Николае, за достойных родителей нашей прекрасной пары! – Все дружно зааплодировали и до счастливых молодоженов донеслись ободрительные возгласы – «горько».

После долгого застолья, будучи уже официально и доверительно знакомым со всеми гостями, Игорь, прощаясь, предложил немного захмелевшему Олегу, прогуляться вдвоем по вечернему Ленинграду. Обращаясь к провожающим, он во всеуслышание заявил:

- В свое время, Олег представлялся мне некой таинственной личностью, сумевшей собрать и сохранить в себе все то, что искал не только я. Это он, завладев тайной, ухитрился бесследно исчезнуть и, к тому же, вовремя не вернуться из китайского плена, чтобы поделиться всем тем, что накопил в себе и узнал, за столь долгое отсутствие. И даже тогда, предопределяя события истории, я желал этой встречи. И вот он стоит передо мной. Поверьте, гости дорогие, нам, бывшим офицерам противоборствующих армий, есть о чем поговорить наедине. - Испытывая дружеские чувства к живому свидетелю, Игорю и вправду страстно хотелось пообщаться. Это было настолько важно, что Игорь не смог удержаться от собственного соблазна, словно бы вновь окунаясь в решение той самой «задачи с тремя неизвестными», какую ему не дали разрешить. Олегу же, страстно хотелось дышать прохладой ночного Ленинграда, и рвущаяся на волю душа готова был гулять по городу хоть до утра.

Несмотря на погасшие фонари, вечер был тих и уютен. Прогуливаясь по темным аллеям Зоологического парка, создававшаяся атмосфера доверия, как нельзя лучше, располагала вести непринужденную беседу. Прохлада ночи, освежила лица и, согнав последние ощущения нетрезвости, собеседники были готовы делиться скопившимися секретами и тайнами. Чтобы расспросы не выглядели навязчивыми, Игорь счел нужным, дать возможность Олегу самому выбирать направление разговора. Однако предпочел начать именно с таинственного иностранца, о котором у него не было никаких сведений.

- Мне бы хотелось, Олег, коснуться щекотливой темы твоего заложенничества в Новосибирске, когда Бельский откровенно вынудил идти на компромисс. Тогда, будучи ответственным за судьбу важного поручения, обещанного полковнику Киселеву, тебе довелось столкнуться с пресловутым Нильсом Эдвардсоном. Вероятно, он был внедрен уже под другой фамилией, но мне до сих пор он интересен. И потом, почему в камере японской тюрьмы, бывший командующий конвоем, так легко доверившись, поделился своими тайными сведениями?

- Ну, что касается доверия: думаю, у Киселева тогда просто не было иного выбора. Как ни странно, но даже после своего неожиданного освобождения из неволи, я не верил в искренность намерений Отто Свенсона, таково его теперешнее имя, если оно тебе так интересно. Тогда это был всего лишь вынужденный шаг, однако даже сейчас, его появления можно ждать в любое время. Нельзя недооценивать намерения тех, кто за ним стоит. У меня сложилось мнение, что Бельский оказался неким инструментом в его руках. Хотя, возможно, они оба имели свои цели. Этот шпион явно работал на иностранную разведку, но меня совершенно не занимает этот вопрос.

- Ты знаешь, Олег, мне почему-то в голову пришла именно эта мысль. Ведь посмотри сам, - охваченный догадками, рассуждал Карпатов. - Почему было Отто Свенсону, ничуть не рискуя своей собственной безопасностью, не сдать тебя еще тогда без промедлений местному НКВД, не избавиться от одного из главных свидетелей, знающего о его нелегальной деятельности в стране? Но, мне видится, что после его похода с приятелем Бельским в тайгу, свидетелей, стало слишком много. Или я не прав?..

- После истории с шаманами прошло уже более трех лет, - продолжил Олег, - и мне думается, именно поэтому, оставшемуся в трудном одиночестве приятелю Бельского, тогда необходимо было спрятаться и тщательнее замести следы. Или же, с гибелью компаньона, он лишился какой-то части информации необходимой ему чтобы чувствовать себя уверенно, находясь на нелегальном положении во враждебной его миссии стране. А вот переосмыслив случившееся, он будет способен продолжить исполнение своих замыслов. Ну, если не по личной инициативе, то ему непременно дадут указания те, кто за ним стоит.

- Мысли правильные, возможно он даже и приступил уже к осуществлению хитрых планов, но вот только каких? – внезапный порыв ветра сорвал с головы Олега шляпу и пришлось догонять ее вместе, смешно радуясь возникшей в разговоре паузе. - Ты знаешь, Олег, не снимая с себя вины, за прошлые просчеты я все же намерен добиться своей реабилитации; добраться до Сибирских орденов и передать их по назначению. Думаю, такая инициатива станет самым правильным решением вопроса государственной важности. Ведь оставаться равнодушными к нуждам Родины мы все просто не имеем права.

Последние слова собеседника выглядели странно и настораживающе; Олег, чуть помедлив, ответил:

- Ну тогда, Игорь, мне опасно иметь с тобой дело. Реабилитация предполагает пусть не полный, то частичный возврат к прежней деятельности и я, вместе со своими друзьями становимся для тебя объектами пристального внимания, если не сказать большего.

Игорь, смутившись, остановился.

- Да, нет, Олег, ты меня не так понял; я совсем иным путем, собираюсь идти к цели.

Это мой долг, который обстоятельства не дали выполнить до конца. А поэтому мне именно того и хочется, чтобы наши тропы, с пресловутым наймитом из Ватикана, в скором будущем вновь пересеклись. И делиться поисками со своими бывшими коллегами нет нужды точно так же, как с их стороны нет доверия списанному сотруднику. Ты знаешь, откуда я пришел и возвращаться туда, для меня равнозначно смерти.

- Я понимаю, но таким образом, занимаясь личным сыском, ты ставишь себя вне закона и рискуешь вновь оказаться именно там.

- Пока что нет нужды беспокоиться, мы ведь не напали на след иностранца.

Немного поразмыслив, Олег возразил:

- Что касается его планов: нет уверенности, что Отто Свенсон вновь сунется в тайгу, скорее его воля была настолько парализована произошедшими событиями с шаманом, что из страха, он просто бежал из России. Успокаивает то, что неосторожными действиями иностранец мог лишь навредить себе самому. И если он все же не покинул страну, то после всего случившегося, наверняка станет вести себя спокойнее и беспокоить лишний раз органы власти, когда-то очень сильно интересовавшиеся его приятелем Бельским, будет совсем небезопасно. Однако, если размышлять дерзко, то и на этот шаг Свенсон может оказаться способен.

Откровения рождали доверие и, намеренно объединив свои усилия, бывшие офицеры, оставленные страной не у дел, открыто поверяли друг другу секреты и мнения, скопившиеся за долгие годы. Многие факты, утаиваемые в душе достаточно длительное время, захотелось раскрыть и сделать первые доверительные шаги не только навстречу, но и, воскресив в памяти картину гибели конвоя, логическим путем постараться добраться до истины. А она, откровенно требуя своего справедливого установления, побуждала к действиям. Игорь не замедлил воспользоваться ситуацией и определиться с поиском шамана Атунды в таежной глубинке, о котором Олег знал достаточно подробно и таиться перед доверившимся ему новым приятелем, после столь глубоких откровений, вовсе не имело смысла. Он не был пока уверен, что в скором будущем не предпримет попытку разыскать главного свидетеля, хранившего важные сведения, но и упускать возможность владеть информацией в той же степени или даже большей, чем Олег, он никак не мог себе позволить.

Более чем десятилетний период в работе спецслужб МГБ, срок гигантский, если не сказать большего. Но даже за это время, в расследовании дела, связанного с исчезновением Сибирских орденов и части золота Тобольской епархии, работавшие по нему сотрудники аппарата ЧК не продвинулись ни на толику. Из-за отсутствия появления в расследовании как самих фигурантов, так и фактов, дело, за давностью лет, ушло в архив и практической работы по нему не велось.

И вот, в секретариат наркомата Внутренних дел поступило секретное донесение, которое было в срочном порядке перенаправлено в управление МГБ на Лубянке и утром легло на стол начальника отдела контрразведки, полковника Лукьянова. В нем доводилось до сведения, что Советскими спецслужбами в Европе, очень активно действующими в странах помогающих расширению зон влияния идеологии национал-социализма, установлены факты внедрения в сферы внутренних интересов молодого государства Советов, священников некоторых Европейских «Орденов» и конфессий, вполне легально действующих и пропагандирующих идеи Католицизма в паствах, проповедующих не в полной мере запрещенное в Советском союзе православное верование. Одним из источников, приближенным к информационным службам Ватикана, сообщалось о вступлении во вторую стадию ранее разработанной операции по поиску и тайному вывозу из страны значимой части ценностей Царской династии. Однако при возникновении сложностей с использованием Северного морского пути, в настоящее время ведутся поиски других возможностей и вариантов. Сообщение ушло действующему резиденту, работающему в Киеве под эгидой миссии «Ордена Иезуитов».

Сосредоточившись над секретным донесением, комиссар долго что-то припоминал и, словно заплутав в глубинах мыслей, не мог сосредоточиться на немаловажной детали: «Опять Ватикан, вновь Царское золото. Где-то это уже было, но как само золото, так и его мифический блеф, растворились тогда в глубинах волн истории. Что же вынесло затерянные следы былых сокровищ вновь, на пустынные отмели Лубянки?..» - думалось ему.

После сделанного официального запроса оказалось, что особым отделом контрразведки, ранее уже велись разработки по этому щекотливому делу, но все материалы были отписаны в архив и за все истекшее время работа по ним не возобновлялась. В срочном порядке архивные дела вскрылись и в полном объеме легли на стол начальника особого отдела. Внимательно изучая дело, Лукьянов тщательно пытался вникнуть в суть. Прослеживалась определенная связь сегодняшнего донесения с неким таинственным лицом, действующим с той же профессиональной целью, что и предыдущий, которому удалось ускользнуть от неминуемого ареста сразу же, после разоблачения Омской резидентуры, в конце двадцатых годов. Этот факт вызвал у руководства отдела контрразведки новый резонансный интерес. Лукьянова настораживал тот факт, что такого рода секретное донесение не могло не пройти через руки самого наркома внутренних дел. Поэтому следовало ожидать вызова на «самый верх».

Дальнейшее расследование по вновь вскрывшимся обстоятельствам было поручено старшему майору Потапову, Сергею Ивановичу, которому было срочно поручено, тщательным образом ознакомиться с материалами архивного дела и с учетом новой вводной, подготовить к вечернему заседанию план неотложных мероприятий. Отчет был представлен, однако, с учетом излагавшихся в донесении сведений, руководству отдела выкладки Потапова показались не отвечающими требованиям. Вновь предложенных мероприятий оказалось совершенно недостаточно, чтобы хоть как-то оживить работу по давно забытому, пылившемуся в архивах, делу более чем десятилетней давности. Потапову, работавшему в управлении совсем непродолжительное время, не удалось в столь короткий срок изучить и в должной степени вникнуть в положение дел, которые как послужили причиной отписки дела в архив, так и стали поводом для его оживления.

- Вам, товарищ Потапов, поручено было разобраться с материалами, по которым до тридцатого года велась работа сотрудником нашего отдела, бывшим майором Карпатовым, арестованным и осужденным на длительный срок, по причине разглашения секретных сведений, связанных с провалом действующей агентурной сети. Утечкой данных очень успешно воспользовались иностранные разведывательные службы. По этой причине работа по розыску бесследно пропавших Сибирских орденов была на долгое время прекращена. В то далекое время, с подачи некоего «Анонимщика», который так и остался лицом невыявленным, мы были осведомлены о халатной деятельности нашего сотрудника. И сейчас, спустя годы, Ватикан продолжает удивлять нас, не только фактами, но и готовностью предпринимать действия по вывозу Царского золота и драгоценностей с территории Советского союза. Без нашего ведома, понимаете ли!.. И вы, ограничиваетесь лишь общими мероприятиями по вновь вскрывшимся фактам, - тяжелый, немигающий взгляд главного руководителя отдела службы контрразведки, вынудил Потапова тут же подняться со своего места.

- Оперативная разработка всех причастных лиц, только в начальной стадии, товарищ комиссар, и я счел необходимым лишь в общих чертах ознакомить присутствующих с планом мероприятий по которым предстоит работать. Все непременно будет взято под должный контроль, - пытался защитить свою слабую компетентность в деле старший майор.

- Я приказываю, в кратчайший срок организовать разработку всех бывших и вновь появившихся фигурантов. Через два дня я жду вас с конкретными результатами, которые можно будет положить на стол наркому отдела внутренних дел. Я полагаю контрольно-инспекторской службе не придется лишний раз отвлекаться по результатам вторичной некачественной проверки сигнала, поступившего от «Анонимщика». Установите наконец его личность. Вы должны отдавать себе отчет, что с приходом нового наркома НКВД, верного ученика и соратника товарища Сталина, и под чутким руководством партии, наша Советская разведка очистилась от банд предателей и шпионов, проникших внутрь и пятнающих ее ряды. Надеюсь, нам не придется вновь поднимать актуальность этих вопросов.

Возвратившись в свой кабинет, старший майор, ответственно понимая возложенную на него задачу, с рвением погрузился в работу по давно заброшенному делу. Всплывали факты и лица, по которым предстояло многое выяснять заново и сопоставлять с, выглядевшей сомнительной, еще непроверенной и неотработанной информацией, лежавшей перед ним в форме кляузы «Анонимщика». Эту личность предстояло выявить в первую очередь, а вывести на нехитрый след способны лишь те, кто указаны в его же застарелом письме. Явно просматривалась тенденция анонимного лица, избавить себя от лишних свидетелей, определенно располагающих подробностями его незаконной деятельности. Пожалуй, с этого и следовало начать новое расследование. Еще раз отработать все имеющиеся в деле адреса. Один из которых вызвал интерес у Потапова. После разоблачения вражеской Резидентуры адрес по улице Чехова шестнадцать в Новосибирске, в прежнее время каким-то образом выпал из внимания оперативников и наблюдение за домом прекратилось. Возможно, причиной тому был арест сотрудника, непосредственно курирующего этот вопрос. Его, кстати, предстояло разыскать и допросить, пусть даже в местах лишения свободы, если сведения по запросу подтвердятся. Других неотработанных моментов в деле старший майор отыскать не смог. Деятельность вражеских агентов и сама резидентура в Омске были устранены еще в конце двадцатых годов, а нити ведущие к Царскому золоту и драгоценным Сибирским орденам, сведения о которых могли быть известны лишь погибшему в Монголии агенту Бельскому и невыявленному Олегу Крупнину, полностью утеряны.

На следующий день, начальник особого отдела контрразведки, Лукьянов был вызван лично наркомом внутренних дел, товарищем Лаврентием Павловичем Берия.

- Вы, уважаемый товарищ Лукьянов, хорошо помните всех преданных делу партии ответственных сотрудников своего отдела или же в вашей деятельности есть упущения? Что это;

невнимание к кадрам или заведомо известное только вам мнение о людях? Мы умеем наказывать, товарищ комиссар особого отдела, но не видеть перспективу использования знающего работника аппаратом контрразведки, далеко непозволительно. Вы уже ознакомились с последним донесением нашей агентуры в Европе или еще только собираетесь?

- Я, товарищ нарком внутренних дел, уже приступил к разработке конкретных мероприятий по этому вопросу.

- Работая с данными нашей разведки по делу, которое оказывается покрылось пылью в архивах, мне захотелось выслушать вас товарищ Лукьянов. Я поручаю вам разобраться с неясностями, нельзя пренебрегать известными по делу фактами, над которыми работали ранее наши сотрудники. Одного из которых необходимо разыскать и допросить непременно. Мне думается ему найдется, что рассказать своим бывшим коллегам. Я полагаю вам известно о ком я говорю, товарищ Лукьянов. Необходимо немедленно возобновить работу по делу об «Анонимщике» в кратчайшие сроки.

Ночью Лукьянов работал в своем кабинете. К утру на его стол легли ответы на телефонogramмы из мест заключения, бывшего майора МГБ, гражданина Карпатова Игоря Николаевича. Внимательно изучив имеющиеся материалы, необходимость пригласить к себе в кабинет старшего майора, назрела сама собой. К тому же, созрел свой, глубоко личный и тайный план...

С началом рабочего дня Потапов по срочному вызову явился к своему начальнику.

- Сергей Иванович, - не растягивая беседу, обратился Лукьянов, - конечно же я допускаю, что факт освобождения из мест заключения, бывшего майора нашего ведомства, Игоря Карпатова мог остаться вами не замеченным, по вполне понятным причинам. Но, на вашем месте, я бы очень желал встречи с забытым нами, не законопослушным гражданином, ему непременно найдется, что нам рассказать. Помочь следствию это обязанность каждого Советского человека, а в особенности, имеющего прямое отношение к прошлому расследованию, которое сейчас поручено вести вам. И учтите, товарищ Потапов; я должен первым допросить фигуранта и сделать соответствующее заключение о степени его полезности следствию, так сказать, целесообразности использования в дальнейшем.

Потапов с нескрываемым укором в очередной раз посмотрел на своего начальника.

- В чем собственно дело, товарищ комиссар? – возразил он, в горячности. - Мне не совсем понятна возникшая спешка. Я работаю по делу от силы второй день и конечно же сделаю все необходимое, чтобы гражданин Карпатов в ближайшее время явился для серьезной беседы. Но вы не оставляете мне время для личного рабочего маневра. Разумеется, я сразу же поставлю вас в известность, товарищ полковник, но позвольте мне хотя бы сделать первые шаги в расследовании, - защита Потапова выглядела смелым, если не сказать, даже отважным натиском, и Лукьянов с раздражением оборвал беседу.

- Ступайте, товарищ Потапов!.. Вскоре Вам будет предоставлено такое право.

Потапов вышел из кабинета крайне раздраженным и недовольным, понимая, что в расследовании он пешка, просто кому-то захотелось иметь в очередном мутном деле крайнего, с которого и спросить можно, и наказать придется, если дело вдруг вновь окажется неперспективным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.